

ГЕНРИК ИБСЕН

СТОЛПЫ
ОБЩЕСТВА

Генрик Ибсен

Столпы общества

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24915915

Аннотация

«Просторная зала, выходящая в сад при доме консула Берника. На авансцене налево дверь в кабинет консула. Дальше, в той же стене другая дверь. В правой стене, посередине, двустворчатые входные двери. Задняя стена залы – почти сплошь из зеркальных стекол с такой же дверью, распахнутой на широкую террасу; над террасой натянут тент. Ступени террасы ведут в сад, обнесенный железной решеткой с калиткой на улицу. Противоположная сторона улицы застроена выкрашенными в светлые цвета деревянными домиками. Лето. Жаркий солнечный день. По улице проходят люди, некоторые останавливаются, разговаривают друг с другом. На углу – бойко торгующая мелочная лавочка...»

Содержание

Действующие лица	4
Действие первое	6
Действие второе	38
Действие третье	78
Действие четвертое	107

Ибсен Генрик

Столпы общества

Пьеса в четырех действиях

Действующие лица

Консул Берник.

Бетти Берник, его жена.

Улаф, их сын, 13 лет.

Марта Берник, сестра консула.

Йухан Тённесен, младший брат Бетти Берник.

Лона Хессель, старшая, сводная сестра Бетти.

Хильмар Тённесен, двоюродный брат Бетти.

Адъюнкт Рёрлун.

Руммель, коммерсант.

Вигеланн и Санстад – купцы.

Дина Дорф, молодая девушка, живущая в доме консула

Берника.

Крап, управляющий делами консула Берника.

Эунэ, мастер-судостроитель.

Фру Руммель, жена коммерсанта Руммеля.

Хильда, ее дочь.

Фру Холт, жена почтмейстера.

Нетта, ее дочь.

Фру Люнге, жена доктора.

Городское бюргерство и прочие местные жители, иностранные моряки, пассажиры с парохода и пр.

Действие происходит в доме консула Берника, в небольшой норвежском приморском городе.

Действие первое

Просторная зала, выходящая в сад при доме консула Берника. На авансцене налево дверь в кабинет консула. Дальше, в той же стене другая дверь. В правой стене, посередине, двустворчатые входные двери. Задняя стена залы – почти сплошь из зеркальных стекол с такой же дверью, распахнутой на широкую террасу; над террасой натянут тент. Ступени террасы ведут в сад, обнесенный железной решеткой с калиткой на улицу. Противоположная сторона улицы застроена выкрашенными в светлые цвета деревянными домиками. Лето. Жаркий солнечный день. По улице проходят люди, некоторые останавливаются, разговаривают друг с другом. На углу – бойко торгующая мелочная лавочка.

В зале вокруг стола сидят за шитьем дамы. В центре Бетти Берник; по левую руку ее: фру Холт с дочерью; дальше фру Руммель с дочерью. По правую руку Бетти: фру Люнге, Марта Берник и Дина Дорф. Все дамы заняты рукодельем. На столе вороха раскроенного и сметанного белья и других частей одежды. В глубине сцены за особым столиком, на котором стоят два цветочных горшка и стакан с сахарной водой, сидит Рёрлун, читая вслух книжку с золотым обрезом. До зрителей долетают, однако, лишь отдельные слова. По саду бегают с луком Улаф, целится, стреляет.

Немного спустя справа, осторожно ступая, входит мастер Эунэ. Его приход несколько отвлекает внимание дам, слушающих чтение. Бетти кивает ему, указывая на дверь в кабинет. Эунэ тихо идет туда и несколько раз тихо и с перерывами стучит. Из кабинета выходит Крап, держа шляпу в руке и кипу бумаг под мышкой.

Крап. А, это вы стучали?

Эунэ. Консул послал за мной.

Крап. Да, но сейчас он занят и поручил мне...

Эунэ. Вам? Я бы предпочел...

Крап....поручил мне передать вам: надо прекратить эти ваши субботние лекции для рабочих.

Эунэ. Да? Я думал, однако, что волен употреблять свой досуг...

Крап. Вам не следует употреблять свой досуг, чтобы делать людей негодными в рабочее время. В прошлую субботу вы говорили, будто новые машины и способы работы на верфи идут во вред рабочим. Зачем вы это делаете?

Эунэ. Я делаю это, чтобы укрепить общество.

Крап. Удивительно! Консул говорит, что это расшатывает общество.

Эунэ. Мое общество – не общество консула, господин управляющий. Как старшина союза рабочих я...

Крап. Прежде всего вы старшина верфи консула Берника. Прежде всего вы должны выполнять свои обязательства по отношению к обществу, именуемому «Фирма Берника»,

потому что оно всех нас кормит. Вот что хотел сказать вам консул.

Эунэ. Консул не сказал бы мне этого так, господин управляющий, но я понимаю, кому обязан этим. Это все проклятый американец, который чинится у нас в доке. Этот народ хочет, чтобы у нас работа шла, как там, у них, а это...

Крап. Да, да, да; некогда мне пускаться в рассуждения. Теперь вы знаете взгляд консула – и кончено. Можете вернуться на верфь; вероятно, вы там нужны; я сам скоро туда спущусь. Прошу извинения у дам. *(Кланяется и уходит через сад.)*

Эунэ тихо уходит направо. Рёрлун, продолжавший читать во время предыдущего разговора, который велся вполголоса, теперь сразу же заканчивает чтение и захлопывает книжку.

Рёрлун. Итак, любезные мои слушательницы, вот и конец.

Фру Руммель. Ах, какой поучительный рассказ!

Фру Холт. И какой высоконравственный!

Бетти. Подобная книга заставляет призадуматься.

Рёрлун. О да. Она представляет благодетельный контраст с тем, что нам, к сожалению, ежедневно преподносят в газетах и журналах. Что, в сущности, кроется под этой мишурой и показной роскошью, которыми щеголяют крупные общественные центры? Пустота и гниль, если можно так выразиться. Никаких прочных нравственных устоев!.. Одним

словом, эти крупные современные центры не что иное, как гробы повапленные.

Фру Холт. Да, это истинная правда.

Фру Руммель. Да вот взять хоть бы экипаж американского судна, которое теперь стоит у нас...

Рёрлун. Ну, о таком отребье человечества я и говорить не буду. Но даже в высших кругах – что там творится? Везде сомнение, брожение, душевная смута, расшатанность всех основ. А как там подорвана семейная жизнь! Какое наглое стремление подкопаться под самые святые истины!

Дина (*не поднимая глаз от работы*). Но разве там не совершаются и великие дела?

Рёрлун. Великие дела? Я не понимаю...

Фру Холт (*удивленно*). Что ты, Дина, бог с тобой!

Фру Руммель (*одновременно*). Да как же это можно, Дина?..

Рёрлун. Не думаю, чтобы это было хорошо, если бы у нас завелись подобные дела! Нет, возблагодарим господу, что у нас дело обстоит так, как оно обстоит. Конечно, и у нас, к сожалению, между пшеницей произрастают плевелы, но мы, во всяком случае, стараемся выпалывать их по мере наших сил. Надо поддерживать чистоту общества, милостивые государины, надо оберегать общество от всего того не проверенного опытом, что желает навязать нам нетерпеливый век.

Фру Холт. А сколько, к сожалению, всего этого там можно найти!

Фру Руммель. Да вот ведь в прошлом году за малым дело стало, а то бы провели и к нам железную дорогу.

Бетти. Ну, разумеется, Карстен не допустил этого.

Рёрлун. Провидение, сударыня. Вы можете быть уверены, что муж ваш был орудием высшей воли, когда отказался поддерживать эту затею.

Бетти. А как его все же бранили газеты. Но мы совсем забыли поблагодарить вас, господин адъютант. В самом деле, это больше чем любезно с вашей стороны, что вы жертвуете нам так много времени.

Рёрлун. Ну что там! Теперь каникулы...

Бетти. Да, да, но все-таки это жертва с вашей стороны.

Рёрлун (*придвигает свой стул поближе*). Не стоит говорить, сударыня. А вы все разве не приносите жертву ради доброго дела? И не делаете ли это с полной готовностью и с радостью? Эти морально испорченные создания, об исправлении которых мы хлопчем, разве это не те же раненные на поле битвы солдаты? Вы, милостивые государыни, диакониссы, сестры милосердия, которые щиплют корпию для этих несчастных пострадавших, нежной рукой перевязывают их раны, ухаживают за ними, исцеляют...

Бетти. Великий дар божий – уметь все видеть в таком прекрасном свете!

Рёрлун. Многое в этом отношении является врожденным, но многого можно добиться самому. Все дело в том, чтобы смотреть на вещи с точки зрения серьезной жизнен-

ной задачи. (*Обращаясь к Марте.*) Ну что вы, например, на это скажете, сударыня? Не чувствуете ли вы под собой более твердую почву с тех пор, как посвятили себя школьному делу?

Марта. Как сказать... Часто, когда я сижу там, в школе, меня так и тянет далеко-далеко в бурное море.

Рёрлун. Это искушение, сударыня. Но перед такими беспокойными гостями надо крепко-накрепко запирать двери. Бурное море – это вы, конечно, говорите не буквально; вы разумеете под этим большое волнующееся человеческое общество, где столь многие гибнут. И неужели вы в самом деле так высоко цените ту жизнь, шум и гул которой до вас долетают извне? Стоит только взглянуть туда, на улицу, где люди в поте лица снуют на солнцепеке по своим делишкам. Нет, право, нам лучше сидится тут, в прохладе, спиной туда, откуда идет соблазн!..

Марта. Да, да, вы, наверно, совершенно правы. Рёрлун. И в доме, как этом, у столь прекрасного и чистого семейного очага, где семейная жизнь нашла лучшее свое выражение... где царствует мир и согласие... (*Обращаясь к хозяйке.*) Что это вы прислушиваетесь, сударыня?

Бетти (*обернувшись к двери в кабинет*). Как они там громко разговаривают.

Рёрлун. Разве случилось что-нибудь особенное?

Бетти. Не знаю, я слышу только, у мужа кто-то есть...

Хильмар Тённесен с сигарой в зубах входит справа, но

останавливается при виде собрания дам.

Хильмар. Ах, извините, пожалуйста. (*Хочет уйти.*)

Бетти. Войди, войди, Хильмар, ты нам не мешаешь. Тебе что-нибудь нужно?

Хильмар. Ничего, я так только хотел заглянуть. (*Дамам.*)
Мое почтение. (*Обращаясь к Бетти.*) Ну, на чем же порешили?

Бетти. Насчет чего?

Хильмар. Да ведь Берник протрубил сбор.

Бетти. Разве? В чем же дело?

Хильмар. Опять эта чепуха с железной дорогой.

Фру Руммель. Да неужели?

Бетти. Бедный Карстен! Опять ему неприятности...

Рёрлун. Но как же это так, господин Тённесен? Ведь в прошлом году консул ясно дал понять, что он не желает никакой железной дороги.

Хильмар. Да и мне так кажется, но я встретил управляющего Крапа, и он сказал, что вопрос с железной дороге снова поднят и что Берник совещается с тремя местными тузами.

Фру Руммель. То-то мне послышался голос мужа.

Хильмар. Да, господин Руммель, конечно, здесь; потом Санстад и Миккель Вигеланн – «святоша Миккель», как его прозвали.

Рёрлун. Гм...

Хильмар. Ах, извините, господин адъютант.

Бетти. Так у нас хорошо, мирно было...

Хильмар. Что до меня, то я не прочь, чтобы они опять погрызлись. Все-таки развлечение.

Рёрлун. О, на мой взгляд без таких развлечений можно обойтись.

Хильмар. Кто как смотрит. Некоторые натуры прямо нуждаются иной раз в бодрящей схватке. Но жизнь в маленьком городишке, к сожалению, небогата такими случаями, да и не всякому дано... *(Перелистывает книгу адъюнкта.)* «Женщина на службе общества». Это что за чепуха?

Бетти. Господи! Нельзя же так говорить, Хильмар! Ты, конечно, не читал этой книги?

Хильмар. Нет, да и не намерен.

Бетти. Ты, верно, опять нехорошо себя чувствуешь сегодня?

Хильмар. Да, нехорошо.

Бетти. Плохо спал ночью?

Хильмар. Очень даже плохо. Я вчера вечером пошел, ради своей болезни, прогуляться; потом завернул в клуб и почитал описание одной полярной экспедиции. Как-то закаляешь свой дух, следя за борьбой человека со стихиями!

Фру Руммель. Но это вам, может быть, вредно, господин Тённесен?

Хильмар. И даже очень. Я проворочался всю ночь в полусне, бредя каким-то отвратительным моржом, который гонялся за мною.

Улаф *(поднявшись из сада на террасу).* За тобой морж

гонялся, дядя?

Хильмар. Во сне, дурень!.. А ты все еще возишься с этим жалким луком? Отчего не обзаведешься настоящим ружьем?

Улаф. Я бы очень хотел, да...

Хильмар. Ружье – это я все-таки понимаю: как-то щеко-чет нервы, когда спускаешь курок...

Улаф. Тогда бы я медведей стрелял! Да вот папа не дает.

Бетти. Как можно вбивать ему в голову такие вещи, Хильмар!

Хильмар. Гм... ну и поколение воспитывают у нас теперь! Кричат о подвигах, – боже мой! – а до дела дойдет – одна игра. Ни капли серьезного стремления к тому, чтобы закалить себя, смело глядеть в глаза опасности! Да что ты лезешь на меня со своим луком, балбес! Того и гляди, выстрелит!

Улаф. Да ведь стрелы нет, дядя!

Хильмар. Этого ты не можешь знать; а вдруг она все-таки есть. Убери, говорят тебе!.. И чего ты никогда не прока-тишься в Америку на одном из отцовских кораблей? Увидал бы там охоту на буйволов или схватку с краснокожими.

Бетти. Но, Хильмар...

Улаф. Ах, как бы я хотел, дядя! И вдруг бы встретил там дядю Йухана и тетю Лону...

Хильмар. Гм... Понес!

Бетти. Ну, ступай опять в сад, Улаф.

Улаф. А на улице можно?

Бетти. Да, только, смотри, недалеко.

Улаф убегает через калитку на улицу.

Рёрлун. Не следовало бы набивать ребенку голову такими фантазиями, господин Тённесен...

Хильмар. Разумеется, как можно! Пусть лучше весь век просидит за печкой, как многие другие.

Рёрлун. А что ж вы сами туда не прокатитесь?

Хильмар. Я? С моей болезнью! Впрочем, кому здесь до этого дело! Кроме того, человек имеет все-таки известные обязанности перед обществом, в котором живет... Надо же здесь хоть кому-нибудь высоко держать знамя идеи. Ух, опять он раскричался!

Дамы. Кто, кто?

Хильмар. Не знаю. Все они там немножко громогласны... Это действует мне на нервы.

Фру Руммель. Должно быть, это мой муж, господин Тённесен. Он, знаете, привык говорить в больших собраниях.

Рёрлун. Да и другие, кажется, не отстают.

Хильмар. Ну еще бы, помилуйте, раз дело дойдет до кармана, то... У нас всегда на первом плане меркантильные соображения. Ух!

Бетти. Во всяком случае, это лучше, чем прежде, когда на первом плане были одни удовольствия.

Фру Люнге. Да неужели здесь прежде было так ужасно?

Фру Руммель. Да, уж поверьте, фру Люнге. Благодарите

судьбу, что вас здесь тогда не было.

Фру Холт. Да, у нас здесь произошли большие перемены. Вспомнить только дни моего девичества...

Фру Руммель. Да, вы подумайте о том, что было всего четырнадцать-пятнадцать лет назад. Господи помилуй, как тут жили! Тогда еще процветали и танцевальный кружок, и музыкальный...

Марта. И драматический. Это я хорошо помню.

Фру Руммель. Да, это там ставили вашу пьесу, господин Тённесен!

Хильмар (*удаляясь в глубину сцены*). Ах, есть о чем вспоминать.

Рёрлун. Пьесу студента Тённесена?

Фру Руммель. Это было задолго до вас, господин адъютант; ее, впрочем, всего раз и поставили.

Фру Люнге (*фру Руммель*). Не в этой ли пьесе вы играли любовницу, фру Руммель? Помните, вы мне рассказывали?

Фру Руммель (*косясь на адъютанта*). Я?.. Что-то не припомню, фру Люнге. Но я хорошо помню, как открыто и шумно здесь жили тогда.

Фру Холт. Я даже знаю дома, где давали по два званых обеда в неделю.

Фру Люнге. И тут еще играла заезжая труппа, я слышала.

Фру Руммель. Ах, это было хуже всего.

Фру Холт (*поешиваясь*). Гм... Гм...

Фру Руммель. Труппа? Нет, впрочем, этого я совсем не

ПОМНЮ.

Фру Люнге. Да как же! Говорят, будто эти господа бог знает что тут выдeldывали!.. А что такое, в сущности, было?

Фру Руммель. В сущности, ровно ничего, фру Люнге.

Фру Холт. Диночка, передай мне вон то белье.

Бетти (*в то же время*). Диночка, поди скажи Катрине, чтобы подавали кофе.

Марта. Я с тобой, Дина.

Дина и Марта уходят во вторые двери налево.

Бетти (*вставая*). И меня, mesdames, на минутку извините. Я думаю, лучше пить кофе на террасе. (*Уходит на террасу и начинает накрывать на стол.*)

Адъюнкт Рёрлун, стоя в дверях, разговаривает с нею.

Хильмар Тённесен сидит на террасе и курит.

Фру Руммель (*шепотом*). Господи, фру Люнге, как вы меня перепугали!..

Фру Люнге. Я?

Фру Холт. Да ведь вы сами начали, фру Руммель!

Фру Руммель. Я? Что вы, фру Холт? Я и не заикалась.

Фру Люнге. Да в чем же дело?

Фру Руммель. Как вы могли завести этот разговор? Помилуйте! Разве вы не заметили, что Дина была здесь?

Фру Люнге. Дина? Господи, да разве что-нибудь с...

Фру Холт. И еще здесь в доме! Да разве вы не знаете, что брат фру Берник...

Фру Люнге. Что же он? Я еще ровно ничего не знаю;

я здесь ведь совсем недавно.

Фру Руммель. Да разве вы не слышали?... Гм... (*Дочери.*)

Ты бы прошла по саду, Хильда.

Фру Холт. Пойди и ты, Нетта. И пожалуйста, будь поласковой с бедной Диной, когда она придет.

Хильда и Нетта уходят в сад.

Фру Люнге. Ну, что же такое было с братом фру Берник?

Фру Руммель. Вы не знаете? Грязная история!

Фру Люнге. Так у студента Тённесена была грязная история?

Фру Руммель. Да нет же, фру Люнге. Этот Тённесен ее двоюродный брат, а я говорю о родном...

Фру Холт. О беспутном Тённесене...

Фру Руммель. Его звали Йухан. Он бежал в Америку.

Фру Холт. Пришлось бежать, можете себе представить!

Фру Люнге. Значит, с *ним* была грязная история?

Фру Руммель. Да, нечто такое... Как бы это сказать? Нечто такое с матерью Дины... О, я помню все так, точно это сегодня случилось. Йухан Тённесен служил тогда в конторе старухи Берник, а Карстен Берник только что вернулся из Парижа и еще не был объявлен женихом Бетти...

Фру Люнге. Ну, а грязная история?

Фру Руммель. Да видите ли, в ту зиму играла здесь труппа Мёллера...

Фру Холт. И в этой труппе был актер Дорф с женой. Вся молодежь была от нее без ума.

Фру Руммель. Бог знает, что за красоту они в ней находили!.. И вот раз актер Дорф возвращается домой поздно вечером...

Фру Холт. Совершенно неожиданно...

Фру Руммель. И застаёт... Нет, этого и рассказать нельзя.

Фру Холт. Нет, фру Руммель, ничего он не застаёт, – дверь-то была заперта изнутри!

Фру Руммель. Так я об этом же и говорю, – застаёт дверь на запоре. И, вообразите, тому... в комнате, пришлось выскочить в окошко!

Фру Холт. Из мезонина!

Фру Люнге. И это был брат фру Берник?

Фру Руммель. Ну да!

Фру Люнге. И потом он бежал в Америку?

Фру Холт. Пришлось бежать, вы понимаете!

Фру Руммель. Потому что после открылось еще кое-что, чуть ли не похуже. Подумайте, он запустил лапу в кассу...

Фру Холт. Ну, это еще не наверное, фру Руммель, может быть, это были просто сплетни.

Фру Руммель. Нет, скажите, пожалуйста! Когда весь город знал об этом! Старуха Берник ведь чуть не обанкротилась из-за этого. Это мне мой муж тогда же рассказывал. Но боже меня сохрани болтать!

Фру Холт. Во всяком случае, эти деньги пошли не на мадам Дорф, потому что она...

Фру Люнге. Да, да... Как же они потом между собой поладили... родители Дины?

Фру Руммель. Да он-то уехал, бросил и жену и ребенка, а у этой особы хватило наглости оставаться здесь еще целый год. Конечно, она не смела больше показываться на сцене. Жила стиркой и шитьем на людей.

Фру Холт. Потом пыталась завести школу танцев.

Фру Руммель. Разумеется, дело не пошло. Какие же родители доверили бы своих детей такой особе! Да она недолго и прожила. Этой белоручке, видно, не в привычку было работать. Началась чахотка, и она умерла.

Фру Люнге. Фу, действительно грязная история!

Фру Руммель. Да, представьте, каково это было пережить Берникам? Это темное пятно на солнце их счастья, как однажды выразился мой муж. Поэтому, дорогая фру Люнге, никогда и не касайтесь этих вещей здесь в доме.

Фру Холт. И, ради бога, ни слова также о сводной сестре!

Фру Люнге. Так у фру Берник есть еще сводная сестра?

Фру Руммель. Была... к счастью. Теперь, я полагаю, конец этому родству. Вот была своеобразная особа! Вообразите, остригла себе волосы, а в дождливую погоду ходила в мужских сапогах.

Фру Холт. И когда сводный братец... этот беспутный субъект... бежал и весь город, разумеется, был возмущен, — знаете, что она выкинула?.. Отправилась за ним!

Фру Руммель. А какой скандал она наделала перед отъ-

ездом, фру Холт!

Фру Холт. Тсс!.. Не говорите!

Фру Люнге. Господи, и она тоже наскандалила?

Фру Руммель. Да вот послушайте, фру Люнге. Берник тогда только что посватался к Бетти Тённесен и явился с ней под руку к ее тетке объявить о помолвке...

Фру Холт. Бетти с братом остались ведь сиротами, знаете...

Фру Руммель. И вдруг Лона Хессель встает со стула и – трах изящного, образованного Карстена Берника по щеке! У того только в ушах зазвенело!

Фру Люнге. Слыханное ли дело!

Фру Холт. Это истинная правда.

Фру Руммель. А потом уложила свой чемодан и уехала в Америку.

Фру Люнге. Верно, она сама метила выйти за Берника?

Фру Руммель. Еще бы! Она, видно, воображала, что из них-то и выйдет парочка, когда он вернется из Парижа.

Фру Холт. Да, представьте, что забрала себе в голову! Берник, молодой светский человек, кавалер в полном смысле слова, любимец дам...

Фру Руммель. И вместе с тем такой приличный, такой нравственный, фру Холт!

Фру Люнге. Что же эта фрекен Хессель стала делать в Америке?

Фру Руммель. Тут, видите ли, занавес опускается, и вряд

ли следует его поднимать, как выразился однажды мой муж.

Фру Люнге. Что это значит?

Фру Руммель. Семейство, конечно, не поддерживает никаких сношений с ней, вы понимаете, но весь город знает, что она там пела для заработка по трактирам...

Фру Холт. И читала какие-то публичные лекции...

Фру Руммель. Издала какую-то сумасбродную книжку.

Фру Люнге. Скажите!

Фру Руммель. Да, как видно, Лона Хессель тоже одно из солнечных пятен на семейном счастье Берников. Теперь вы осведомлены, фру Люнге, и, ей-богу, я заговорила об этом только для того, чтобы вы были осторожнее.

Фру Люнге. Да уж будьте спокойны. Но бедная Дина Дорф! Мне от души ее жаль.

Фру Руммель. Ну, для нее-то это было просто счастьем. Подумайте, если б она выросла у таких родителей! Мы, конечно, все приняли в ней участие и руководили ею, как могли. Потом Марта Берник настояла, чтобы ее взяли сюда в дом.

Фру Холт. Но она была всегда трудным ребенком. Вы понимаете – все эти дурные примеры... Такие, как она, не то, что наши дети; с нею приходится действовать осторожно, больше все лаской, фру Люнге.

Фру Руммель. Тсс... вот она! (*Громко.*) Да, правда, Дина такая славная девушка... Ах, ты пришла, Дина? А мы тут разбираем белье.

Фру Холт. Как вкусно пахнет твой кофе, Диночка! Чашечка такого утреннего кофе...

Бетти (*с террасы*). Пожалуйте сюда.

Марта и Дина помогают служанке подать все нужное к столу. Все дамы размещаются на террасе и преувеличенно ласково обращаются с Диной. Спустя немного она переходит в залу и ищет свою работу.

Бетти (*за столом на террасе*). Дина, а ты разве не хочешь?

Дина. Нет, благодарю, мне не хочется. (*Присаживается с работой.*)

Рёрлун, обменявшись несколькими словами с фру Берник, входит в залу.

Рёрлун (*делая вид, что ему нужно взять что-то со стола, тихо*). Дина!

Дина. Что?

Рёрлун. Почему вы не хотите оставаться там?

Дина. Когда я вошла с кофе, я догадалась по лицу приезжей дамы, что разговор шел обо мне.

Рёрлун. А вы заметили тоже, как она была с вами любезна?

Дина. Я этого не выношу.

Рёрлун. Строптивный у вас нрав, Дина.

Дина. Да.

Рёрлун. Но зачем же?

Дина. Такая уж я есть.

Рёрлун. Отчего бы вам не попытаться измениться?

Дина. Нет.

Рёрлун. Почему?

Дина (*взглянув на него*). Я ведь принадлежу к морально испорченным.

Рёрлун. Нехорошо, Дина.

Дина. Мама тоже была морально испорченная.

Рёрлун. Кто вам наговорил таких вещей?

Дина. Никто. Мне никогда ничего не говорят. Почему не говорят? Все обходятся со мной так бережно, точно я сразу разобьюсь, если... О, как я ненавижу это добросердечие...

Рёрлун. Милая Дина, я хорошо понимаю, что вам здесь тягостно, но...

Дина. Ах, только бы мне вырваться отсюда! Я бы сумела пробить себе дорогу, не будь вокруг меня таких... таких...

Рёрлун. Каких таких?..

Дина. Таких приличных и высоконравственных людей.

Рёрлун. Вы это не серьезно, Дина.

Дина. Вы отлично понимаете, насколько это серьезно с моей стороны. Хильду и Нетту каждый день приводят сюда служить мне примером. Но мне никогда не стать такой благодетельной. Да я и не хочу быть такой. О, только бы мне вырваться отсюда, – я уверена, я стала бы молодецком.

Рёрлун. Вы и так молодец, дорогая Дина.

Дина. А что мне в этом проку здесь?

Рёрлун. Значит, уехать... Вы серьезно думаете об этом?

Дина. Я бы не осталась тут дня лишнего, не будь вас.

Рёрлун. Скажите мне, Дина, почему, собственно, вы так охотно бываете со мной?

Дина. Потому что вы учите меня многим прекрасным вещам.

Рёрлун. Прекрасным вещам? Вы называете прекрасным то, чему я могу научить вас?

Дина. Да. Или, вернее, вы не учите меня, но когда я слушаю вас, мне открывается так много прекрасного.

Рёрлун. В чем же, по-вашему, заключается прекрасное?

Дина. Вот никогда об этом не думала.

Рёрлун. Так подумайте теперь. В чем, по-вашему, прекрасное?

Дина. Прекрасное – это великое... и очень далекое...

Рёрлун. Гм... Дорогая Дина, я так искренне озабочен вашей судьбой.

Дина. Только это?

Рёрлун. Вы же, конечно, знаете, как бесконечно вы мне дороги...

Дина. Будь на моем месте Хильда или Нетта, вы не боялись бы дать это заметить другим.

Рёрлун. Ах, Дина, вам трудно судить о тысячах обстоятельств, которые... Когда человек поставлен на страже нравственных устоев общества, в котором он живет, то... нужна особая осторожность. Если бы я только мог быть уверенным, что мои побуждения будут правильно истолкованы... Ну да

это безразлично... Вам нужна помощь, и вам во что бы то ни стало надо помочь, Дина. Согласны ли вы... когда я приду... когда обстоятельства позволят мне прийти и сказать вам: вот моя рука, – вы примете ее и будете моей женой? Даете ли вы мне слово, Дина?

Дина. Да.

Рёрлун. Благодарю, благодарю! Ведь и для меня... О Дина, вы мне так дороги!.. Тсс!.. Идет кто-то. Дина, ради меня, идите к ним.

Дина уходит на террасу к кофейному столу. Из кабинета налево выходят Руммель, Санстад, Вигеланн и наконец Берник с кипой бумаг в руках.

Берник. Ну, значит, дело решено.

Вигеланн. Да, с богом, стало быть.

Руммель. Решено, Берник. Ты знаешь, слово норвежца крепко, как скалы Довре!

Берник. И никто не изменит, никто не отстанет, несмотря ни на какую оппозицию.

Руммель. Мы с тобой заодно. В огонь и в воду!

Хильмар (*входит с террасы*). В воду? Позвольте спросить, это у вас железная дорога канула в воду?

Берник. Нет, напротив, она пойдет...

Руммель. На всех парах, господин Тённесен.

Хильмар (*приближаясь*). Да?

Рёрлун. Как так?

Бетти (*в дверях террасы*). Дорогой Карстен! В чем, соб-

ственно говоря, дело?

Берник. Ах, милочка Бетти, тебе это не интересно. (*К трем вошедшим с ним коммерсантам.*) Теперь нам нужно разослать подписные листы; чем скорее, тем лучше. Само собой разумеется, мы четверо подпишемся первыми. Наше положение в обществе обязывает нас не щадить сил.

Санстад. Разумеется, господин консул.

Руммель. Слово дано, и дело должно наладиться.

Берник. О, я нисколько не боюсь за результаты. Только бы каждый из нас проводил это дело в своем кругу. Когда же делу будет обеспечено сочувствие всех слоев общества, само собой, должна будет принять участие и городская коммуна.

Бетти. Нет, право, Карстен, дай и нам послушать. Приди сюда и расскажи...

Берник. О, милая Бетти, это решительно не по дамской части.

Хильмар. Значит, ты все-таки решил взяться за железную дорогу?

Берник. Разумеется.

Рёрлун. Но в прошлом году, господин консул...

Берник. То было дело другое. Тогда речь шла о приморской линии...

Вигеланн. А она совершенно излишня, господин адъютант. Ведь у нас есть пароходы...

Санстад. И кроме того, она обошлась бы непомерно дорого...

Руммель. И шла бы прямо вразрез с насущными интересами города.

Берник. А самое главное, не принесла бы пользы широким слоям населения. Поэтому я тогда и воспротивился, и был принят проект внутренней линии.

Хильмар. Да, но эта дорога не коснется соседних городов.

Берник. Она коснется нашего города, милый Хильмар, потому что мы проведем к себе ветку.

Хильмар. Ага! Значит, новая затея.

Руммель. И превосходная затея, а?

Рёрлун. Гм!..

Вигеланн. Нельзя отрицать, что само провидение как будто предназначило эту местность для такой ветки.

Рёрлун. Вы это серьезно говорите, господин Вигеланн?

Берник. Да, признаюсь, я тоже вижу как бы перст судьбы, что я во время своей весенней поездки по делам случайно попал в долину, где мне раньше не приходилось бывать. И тут, как молния, блеснула у меня мысль: вот где удобно провести к нам ветку. Я отправил инженера на разведки. И вот здесь у меня уже все предварительные планы и сметы; все в порядке.

Бетти (*все стоя с другими дамами в дверях террасы*). Но как же это, милый Карстен, ты все скрывал от нас?

Берник. Дорогая Бетти, ведь вам бы все-таки не понять настоящей сути дела. Да, впрочем, до сегодняшнего дня я

никому не заикался об этом. Но теперь решительная минута наступила; теперь пора действовать открыто и энергично. Пусть бы мне даже пришлось рискнуть всем своим состоянием, я все-таки дойду до конца.

Руммель. И мы с тобой, Берник, можешь положиться на нас.

Рёрлун. Вы в самом деле так много ожидаете от этого предприятия, господа?

Берник. Еще бы! Каким это послужит могучим рычагом для подъема всего нашего общества! Подумайте только, какие лесные угодья станут доступными, какие богатые рудники откроются для разработки. А горные речки с бесчисленными водопадами? Какое широкое поле для фабричной деятельности!

Рёрлун. И вы не опасаетесь, что оживленные сношения с испорченным внешним миром...

Берник. Будьте спокойны, господин адъютант. Наше трудолюбивое местечко утвердилось теперь, слава богу, на прочных нравственных устоях. Мы все прилагали усилия к оздоровлению почвы, если можно так выразиться, и так будем продолжать, каждый по своей части. Вы, господин адъютант, продолжайте вашу плодотворную деятельность в школе и в семье; мы, люди практической жизни, будем укреплять общество, поднимая по мере возможности благосостояние широких слоев населения, а наши женщины, – пожалуйста поближе, сударыни, вам следует это послушать, – на-

ши женщины, скажу я, наши жены и дочери пусть продолжат неустанно служить делу благотворительности и быть вообще поддержкой и утешением для своих близких, как моя дорогая Бетти и Марта для меня с Улафом. (*Озираясь.*) А где же Улаф?

Бетти. Ах, теперь ведь каникулы, его и не удержишь дома.

Берник. Ну, значит, опять удрал на пристань! Увидишь, он не уймется, пока не стрясется беды.

Хильмар. Ба!.. Немножко поиграть со стихиями...

Фру Руммель. Как это мило с вашей стороны, господин Берник, что вы так привязаны к семье!..

Берник. Да, семья ведь ядро общества. Хорошая семья, честные, верные друзья, маленький, тесный кружок, куда не могут вторгнуться никакие вредные элементы...

Управляющий Крап входит справа с письмами и газетами.

Крап. Иностранная почта, господин консул, и телеграмма из Нью-Йорка.

Берник (*взяв телеграмму*). А! От судовладельцев «Индианки».

Руммель. Так почта пришла? Ну, я должен откланяться.

Вигеланн. И я тоже.

Санстад. До свидания, господин консул.

Берник. До свидания, до свидания, господа. Не забудьте, сегодня в пять часов заседание.

Руммель, Вигеланн, Санстад. Да, да, хорошо, будем.

(Уходят направо.)

Берник (прочитав телеграмму). Нет, это чисто по-американски. Просто возмутительно.

Бетти. Господи, Карстен, что такое?

Берник. Вот, господин Крап, прочтите.

Крап (читает). «Возможно меньший ремонт; спустить «Индианку», как только будет на плаву; время благоприятное; в крайнем случае пойдет на грузу...» Да, нечего сказать!..

Берник. Пойдет на грузу! Эти господа отлично знают, что с таким грузом судно пойдет ко дну, как камень, случись что-нибудь.

Рёрлун. Вот они – эти хваленые условия жизни в «большом мире».

Берник. Вы правы; ни малейшего уважения к человеческой жизни, раз в деле замешаны барыши. (Крапу.) Можно спустить «Индианку» дня через четыре?

Крап. Да, если господин Вигеланн согласится, чтобы мы пока приостановили работы на «Пальме».

Берник. Гм, не согласится. Ну, займитесь, пожалуйста, корреспонденцией... Постойте, вы не видели Улафа на пристани?

Крап. Нет, господин консул. (Уходит в кабинет.)

Берник (опять взглянув на телеграмму). Рисковать жизнью восемнадцати человек – для этих господ нипочем.

Хильмар. Что же, призвание моряка – бороться со сти-

хиями. Вот должно щекотать нервы, когда между тобою и пучиной лишь тонкая доска...

Берник. Найдется ли у нас хоть один судохозяин, который пошел бы на такое дело? Ни одного, ни одного!.. (*Увидав Улафа.*) Ну, слава богу, цел!..

С улицы вбегают в сад Улаф с удочкой в руке.

Улаф (*еще из сада*). Дядя Хильмар, я был внизу и видел пароход.

Берник. Ты опять был на пристани?

Улаф. Нет, только катался на лодке. Вообрази, дядя, высадился целый цирк с лошадьми и зверями. И там было столько пассажиров!

Фру Руммель. Наконец-то мы дождались цирка!

Рёрлун. Мы?.. Я, однако...

Фру Руммель. Ну, конечно, не мы, а...

Дина. Мне бы очень хотелось посмотреть цирк.

Улаф. И мне тоже.

Хильмар. Глупая ты голова! Что там смотреть? Одна дрессировка. Другое дело, когда гаучо мчится через пампасы на своем огневом мустанге! Ну, да в таких городишках...

Улаф (*теребя Марту за руку*). Тетя Марта, смотри, смотри, вон они!

Фру Холт. Ей-богу, они!

Фру Люнге. У, какие противные! Множество пассажиров и толпа горожан проходят по улице.

Фру Руммель. Кажется, изрядные паяцы. Посмотрите,

Фру Холт, на эту, в сером платье: тащит на спине саквояж!

Фру Холт. Скажите! Надела его на ручку зонтика! Верно, мадам директорша.

Фру Руммель. А вон, верно, и сам директор... тот, с бородой. Настоящий разбойник с виду. Не гляди на него, Хильда!

Фру Холт. И ты тоже, Нетта!

Улаф. Мама, директор кланяется нам!

Берник. Что?

Бетти. Что ты говоришь, Улаф?

Фру Руммель. Ей-богу, и эта женщина кланяется!

Берник. Это уж из рук вон!

Марта (*неволью вскрикивая*). А!..

Бетти. Что с тобой, Марта?

Марта. Ничего, мне показалось только...

Улаф (*вне себя от радости*). Смотрите, смотрите! Вот и остальные с лошадьми и зверями, а вон и американцы! Все матросы с «Индианки».

Слышится «Jankee Doodle» с аккомпанементом кларнета и барабана.

Хильмар (*затыкая уши*). Ух, ух, ух!

Рёрлун. Я полагаю, не ретироваться ли нам немного, сударыни? Это не по нашей части. Займемся опять нашей работой.

Бетти. Не задернуть ли занавеси?

Рёрлун. Да, да; я и сам думал.

Дамы садятся к столу. Рёрлун затворяет двери на террасу и задергивает занавеси как на стеклянных дверях, так и на окнах; комната погружается в полумрак.

Улаф (*заглядывая за занавеску*). Мама, директорская мадам моет себе лицо у фонтана.

Бетти. Как? Прямо на площади?

Фру Руммель. Среди бела дня!

Хильмар. Ну, странствуй я в пустыне и попадись мне водоем, я бы тоже не задумался... Ух, этот ужасный кларнет!

Рёрлун. Полиция имела бы полное основание вмешаться.

Берник. Ну, к иностранцам нельзя быть слишком строгими; у этого народа нет врожденного чувства приличия, которое держит нас в должных границах. Пусть их безобразничают. Нам-то что? Все эти вольности, противные обычаям и добрым нравам, к счастью, чужды нашему обществу, если можно так выразиться... Это еще что?!

Посторонняя дама быстро входит в дверь справа.

Все дамы (*тревожным шепотом*). Наездница, директорская мадам!

Бетти. Боже, что это значит?

Марта (*вскочив*). Ах!

Дама. Здравствуй, милая Бетти! Здравствуй, Марта! Здравствуй, зять!

Бетти (*вскрикнув*). Лона!

Берник (*отшатываясь*). Честное слово!..

Фру Холт. Боже милосердный!

Фру Руммель. Возможно ли?

Хильмар. Ну!.. Ух!..

Бетти. Лона... Да неужели?

Лона. Я ли это? Да, клянусь, это так. Можете не стесняться обнять меня.

Хильмар. Ух! Ух!

Бетти. И ты теперь приехала сюда в качестве...

Берник. И намерена выступать публично?..

Лона. Выступать? Как выступать?

Берник. Да я думал... в цирке...

Лона. Ха-ха-ха! Да ты в уме, зять? Ты думаешь, я из труппы наездников? Нет, я хотя и отведала всякой всячины и дурачилась на разные лады...

Фру Руммель. Гм!

Лона....но наездницей еще не бывала.

Берник. Значит, все-таки не...

Бетти. Ох, слава богу!

Лона. Нет, мы приехали сами по себе, как и другие добрые люди; положим, во втором классе, но к этому нам не привыкать стать.

Бетти. Ты говоришь: мы?

Берник (*сделав шаг к ней*). Кто это мы?

Лона. Разумеется, я с мальчуганом.

Все дамы. С мальчуганом?!

Хильмар. Как?!

Рёрлун. Ну, скажу я!..

Бетти. Что ты говоришь, Лона?

Лона. Разумеется, я говорю про Джона; у меня ведь нет другого мальчугана, кроме Джона, или Йухана, как вы его тут называли.

Бетти. Йухан!..

Фру Руммель (*тихо фру Лунге*). Беспутный брат!

Берник (*медленно*). Йухан с тобой?

Лона. Да, конечно; разве я уеду без него? Но у всех у вас такие печальные лица, сидите в потемках, шьете что-то белое... Уж не умер ли кто из родных?

Рёрлун. Сударыня, вы находитесь в кружке для спасения морально испорченных...

Лона (*вполголоса*). Что вы? Эти милые, скромные дамы?..

Фру Руммель. Ну, это, скажу я вам!..

Лона. А, понимаю, понимаю!.. Черт возьми, да ведь это фру Руммель! А вот и фру Холт! Да, мы с вами с тех пор не помолодели... Но послушайте, друзья мои, пусть морально испорченные подождут теперь немножко; они не станут от этого хуже. В такой радостный час...

Рёрлун. Час возвращения не всегда час радости.

Лона. Во-от? Вы так толкуете библию, господин пастор?

Рёрлун. Я не пастор.

Лона. Ну, так, верно, будете им. Но – фу-фу-фу! – какой затхлый запах от этого «морального» белья! Точно от савана. Я, видите ли, привыкла к свежему воздуху прерий.

Берник (*отирая лоб*). Да, в самом деле, здесь что-то душ-

но.

Лона. Погоди, погоди, сейчас выберемся из склепа. (*Отдергивая занавеси.*) Пусть мой мальчуган покажется при полном освещении. Вот покажу я вам молодца первый сорт!

Хильмар. Ух!

Лона (*открывает двери и окна*). Дайте ему только сперва почиститься в отеле. На пароходе вымазался, как свинья.

Хильмар. Ух! Ух!

Лона. «Ух»? Да ведь это... (*Обращаясь к остальным и показывая на Хильмара.*) Он все еще тут шляется да ухаает?

Хильмар. Я не шляюсь, я лечусь...

Рёрлун. Гм, сударыня, я не думаю...

Лона (*увидев Улафа*). Это твой, Бетти? Давай лапу, мальчуган! Или боишься своей старой, безобразной тетки?

Рёрлун (*беря книгу под мышку*). Я не думаю, сударыни, чтобы мы были сегодня в настроении продолжать нашу работу. Но ведь завтра мы опять соберемся?

Лона (*в то время как посторонние дамы встают и прощаются*). Хорошо, соберемся. Буду непременно.

Рёрлун. Вы?.. Позвольте спросить, сударыня, что вы собираетесь делать в нашем кружке?

Лона. Проветрить его, господин пастор!

Действие второе

Там же.

Бетти сидит одна у рабочего стола и шьет. Немного позже справа входит Берник в шляпе и перчатках, с тростью в руке.

Бетти. Ты уже вернулся, Карстен?

Берник. Да; ко мне зайдет один...

Бетти *(со вздохом)*. Да, верно, Йухан опять явится.

Берник....зайдет один господин, говорю я. *(Положив шляпу.)* Куда же девались сегодня все дамы?

Бетти. Фру Руммель с дочерью сегодня заняты.

Берник. Прислали сказать?

Бетти. Да, у них сегодня много дела дома.

Берник. Понятно. И другие, разумеется, тоже не придут?

Бетти. Да, им тоже сегодня некогда.

Берник. Это я мог бы сказать заранее. Где Улаф?

Бетти. Я его отпустила пройтись с Диной.

Берник. Гм... с Диной, с этой ветреницей... Не успел Йухан приехать, как она уже прилипла к нему!

Бетти. Но, мой друг, Дина ведь ровно ничего не знает...

Берник. Ну, так Йухану, по крайней мере, следовало бы иметь настолько такта, чтобы не оказывать ей особого внимания. Я отлично заметил, какими глазами смотрел на это Вигеланн.

Бетти (*роняя работу на колени*). Карстен, ты можешь понять, для чего они вернулись?

Берник. Гм... У него ведь там какая-то ферма, и дело, видно, идет неважно. Лона дала вчера понять, что им приходится ездить во втором классе.

Бетти. Да, к сожалению, должно быть, так. Но как она могла с ним приехать? Она? После той кровной обиды тебе...

Берник. Ах, не думай об этих старых историях.

Бетти. Да могу ли я теперь думать о чем другом? Ведь он мне брат... Да и не из-за него я волнуюсь... Но тебе-то сколько может быть неприятностей, Карстен, я до смерти боюсь, что...

Берник. Чего ты боишься?

Бетти. Разве не могут арестовать его за те деньги, которые пропали у твоей матушки?

Берник. Пустяки! Кто может доказать, что деньги пропали?

Бетти. Ах, боже мой, да ведь это же, к сожалению, весь город знает, и ты сам говорил...

Берник. Я ничего не говорил. И город ровно ничего не знает, все это были одни сплетни.

Бетти. Какой ты великодушный, Карстен!

Берник. Говорю тебе, брось эти воспоминания! Ты сама не знаешь, как ты расстраиваешь меня, перетряхивая все это. (*Ходит взад и вперед и вдруг швыряет трость.*) И при-

несло же их как раз теперь, когда мне необходимо полное расположение общества и прессы... Теперь полетят всякие корреспонденции в газеты соседних городов... Хорошо ли я приму неожиданных родственников или дурно – все сумеют перетолковать. Пойдут рыться в старом хламе, как ты теперь. В таком обществе, как наше... (*Швыряет перчатки на стол.*) И не с кем поговорить, не на кого опереться!

Бетти. Не на кого, Карстен?

Берник. Да на кого же?.. И надо же им было сесть мне на шею как раз теперь! Нет сомнения, они устроят какой-нибудь скандал, особенно она. Вот наказание иметь таких родственников!

Бетти. Не виновата же я, что...

Берник. В чем ты не виновата? Что ты им родня? Святая истина.

Бетти. И не звала же я их домой...

Берник. Ну, опять все сначала! Я их не звала, да я их не выписывала, не тащила сюда за шиворот! Наизусть знаю всю рацею.

Бетти (*плачет*). Какой ты... недобрый!

Берник. Вот это хорошо! Поплачь хорошенько, чтобы дать побольше пищи языкам. Оставь эти глупости, Бетти! Поди на террасу. Сюда могут прийти. Еще увидят хозяйку дома с красными глазами. Это было бы чудно, если бы разнеслось по городу, что... Слышишь? Кто-то идет по коридору.

Стук в дверь. Войдите!

Бетти уходит на террасу с работой. Мастер Эунэ входит справа.

Эунэ. Мое почтение, господин консул.

Берник. Здравствуйте. Верно, догадались, зачем я послал за вами?

Эунэ. Управляющий говорил вчера, что господин консул как будто недоволен тем, что...

Берник. Я недоволен всем положением дел на верфи, Эунэ. Ремонт судов у вас не движается. «Пальма» уже давно должна бы плыть на всех парусах. Вигеланн каждый день заходит и надоедает мне. Тяжелый компаньон!

Эунэ. «Пальма» может выйти в море послезавтра.

Берник. Наконец-то! Ну, а то американское судно, которое стоит здесь целых пять недель и...

Эунэ. «Индианка»? Я так понял, что прежде всего надо приналечь на ваше собственное судно.

Берник. Я не давал вам никакого повода для подобного предположения. Следовало одинаково приналечь на «Индианку», а этого не сделано.

Эунэ. Днище все прогнило, господин консул, чем больше чиним, тем хуже.

Берник. Причина не в этом. Управляющий Крап открыл мне всю правду. Вы не умеете работать с новыми машинами, которые я завел, или, вернее, не хотите с ними работать.

Эунэ. Господин консул, мне уже за пятьдесят. С малых

лет я привык к старому способу работы.

Берник. Он больше не годится. Не думайте, Эунэ, что я хлопочу из-за барышей; я, к счастью, не нуждаюсь в этом, но у меня есть долг перед обществом, в котором я живу, и перед фирмой, во главе которой я стою. Если я не буду за прогресс, то его и не дожждаться здесь.

Эунэ. Я тоже за прогресс, господин консул.

Берник. Да, для вашего ограниченного круга, для рабочего класса. О, я знаю вашу агитацию. Вы произносите речи, вы баламутите народ, но когда дело доходит до прогресса на практике, – взять хотя бы новые машины, – то вы не хотите принять участия, вы трусите.

Эунэ. Да, я в самом деле побаиваюсь, господин консул, опасаясь за многих из тех, кого эти машины лишают куска хлеба. Вы, господин консул, часто говорите о своем долге перед обществом; но, по-моему, общество тоже имеет свои обязанности. Как смеют наука и капитал пускать в ход новые изобретения, пока общество не воспитало поколения, которое может пользоваться ими?

Берник. Вы слишком много читаете и умствуете, Эунэ. Вам это не годится. Это вселяет в вас недовольство своим положением.

Эунэ. Не то, господин консул; но я не могу равнодушно смотреть, как увольняют одного дельного работника за другим и лишают их хлеба из-за этих машин.

Берник. Гм! Изобретение книгопечатания также лишало

хлеба массу писцов.

Эунэ. А так ли вы, господин консул, ценили бы это изображение, будь вы сами тогда писцом?

Берник. Я вас позвал не для диспута. Я послал за вами, чтобы сказать вам: «Индианка» должна быть готова к выходу в море послезавтра...

Эунэ. Но, господин консул...

Берник. Послезавтра, слышите! Одновременно с нашим собственным судном; ни часом позже. У меня есть серьезные основания спешить. Вы читали сегодня газету? Ну, стало быть, знаете, что американцы опять натворили безобразий. Этот распущенный сброд скоро весь город поставит вверх дном; ни одной ночи не проходит без драки в трактире или на улице; о прочих беспорядках я уж и не говорю.

Эунэ. Плохой народ, это верно.

Берник. А кого винят за эти беспорядки? Меня! На меня все сваливают. Эти газетные писаки довольно прозрачно намекают, что мы заняты главным образом собственным судном. И я, поставивший себе задачей влиять на сограждан силой своего примера, должен терпеть подобные выходки?.. Нет, я этого не потерплю. Я не могу позволить таким образом ронять свое доброе имя.

Эунэ. Но репутация господина консула настолько прочна, что выдержит и это и кое-что побольше.

Берник. Не теперь! Теперь мне как раз нужно полное уважение, полное сочувствие всех сограждан. Я затеял большое

дело, как вы, верно, слышали, и если злонамеренным людям удастся хоть чуть поколебать безусловное доверие ко мне общества, это может наделать мне больших хлопот. Поэтому я во что бы то ни стало хочу заткнуть рот всем этим злостным газетным писакам и потому назначил выход судна на послезавтра.

Эунэ. Отчего бы и не на сегодня вечером?

Берник. По-вашему, я требую невозможного?

Эунэ. Да, с той рабочей силой, которой мы теперь располагаем...

Берник. Хорошо, хорошо; тогда придется нам поискать новых сил...

Эунэ. Неужели вы хотите уволить еще кого-нибудь из старых рабочих?

Берник. Нет, об этом я не думаю.

Эунэ. Да, это, наверно, наделало бы шуму и в городе и в газетах.

Берник. Весьма возможно; мы так и не поступим. Но если «Индианка» не будет готова к отплытию послезавтра, я уволю... вас.

Эунэ (*вздвигнув*). Меня? (*Смеется.*) Ну, это вы шутите, господин консул.

Берник. Не очень-то на это рассчитывайте.

Эунэ. Вам может прийти мысль уволить меня?... Меня, когда и отец мой, и дед весь век свой проработали на верфи, как и я сам...

Берник. Кто же меня вынуждает?..

Эунэ. Вы требуете от меня невозможного, господин консул.

Берник. Для доброй воли нет ничего невозможного. Да или нет? Дайте мне решительный ответ, или вы получите расчет сейчас же.

Эунэ (*сделав шаг к нему*). Господин консул, взвесили ли вы хорошенько, что значит уволить старого рабочего? Вы скажете: пусть найдет себе другое место. Положим, он и может найти, но разве дело этим кончается? Побывали бы вы, господин консул, в доме уволенного рабочего в тот вечер, когда он возвращается домой и ставит в угол ящик со своими инструментами...

Берник. Вы думаете, мне легко вас уволить? Разве я не был всегда хорошим хозяином?

Эунэ. Тем хуже, господин консул. Именно потому мои домашние и не станут обвинять вас. Мне они ничего не скажут, не посмеют, но будут посматривать на меня украдкой и думать: верно, заслужил. Вот этого я не могу перенести. Хотя я и простой человек, а привык быть первым среди своих. Моя скромная семья... тоже маленькое общество, господин консул. И я мог служить этому обществу опорой потому, что жена моя верила в меня и дети тоже. А теперь все должно рухнуть.

Берник. Если иначе нельзя, то из двух зол нужно выбирать меньшее и жертвовать частными интересами ради об-

щих. Иного ответа я не могу вам дать. Таков порядок вещей... Но вы упрямы, Эунэ! Вы не потому только противитесь моей воле, что не можете поступить иначе, но потому, что не хотите выявить превосходство машин перед ручным способом работы.

Эунэ. А вы, господин консул, настаиваете так на своем потому, что, уволив меня, вы, по крайней мере, докажете газетам, что дело было не за вами.

Берник. А если бы и так? Вы же понимаете, о чем теперь идет речь? Ссориться ли мне с прессой или расположить ее в свою пользу в ту минуту, когда я предпринимаю крупное дело для блага общества? Что же? Могу я поступить иначе? Вопрос сводится к тому: поддержать ли вас с вашей семьей, как вы говорите, или же задушить в зародыше сотни других семей, которые так никогда и не возникнут, никогда не будут греться у своих очагов, если мне не удастся провести то дело, во имя которого я теперь действую. Поэтому я и предоставляю вам выбор.

Эунэ. Если так, то мне нечего сказать больше.

Берник. Гм... Добрейший Эунэ, я искренне жалею, что нам придется расстаться.

Эунэ. Мы не расстанемся, господин консул.

Берник. Как?

Эунэ. И у простого человека есть свои задачи в жизни.

Берник. Конечно, конечно. Итак, вы думаете, что можете обещать?

Эунэ. «Индианка» может выправить свои бумаги послезавтра. *(Кланяется и ухолит направо.)*

Берник. Ага, удалось-таки сломить этого упрянца! Это я считаю добрым предзнаменованием.

Хильмар с сигарой во рту входит с улицы в сад.

Хильмар *(на террасе).* Здравствуй, Бетти. Здравствуй, Берник!

Бетти. Здравствуй!

Хильмар. Как видно, плакала. Значит, тебе уже известно?

Бетти. Что известно?

Хильмар. Что скандал в полном разгаре. Ух!

Берник. Что это значит?

Хильмар *(входя в комнату).* Да вот эти два американца разгуливают по улицам с Диной Дорф.

Бетти тоже переходит в комнату.

Бетти. Быть не может, Хильмар...

Хильмар. К сожалению, это так. Лона даже оказалась настолько бестактной, что окликнула меня, но я, конечно, сделал вид, будто не слышал.

Берник. И, вероятно, это не прошло незамеченным?

Хильмар. Еще бы! Прохожие останавливались и смотрели им вслед. Слух распространился по городу, как огонь по степи, словно пожар в американских прериях. Во всех домах стояли у окошек, поджидая, когда они пройдут мимо. Из-за каждой занавески торчали головы... Ух!.. Ты уж извини ме-

ня, Бетти, что меня передергивает... Ведь это ужасно действует на нервы. И если это так будет продолжаться, придется мне подумать о продолжительной поездке.

Бетти. Но ты мог поговорить с ним и урезонить его...

Хильмар. На улице? Нет, благодарю покорно. Да вообще, как осмеливается этот человек показываться здесь! Посмотрим, не утихомят ли его немножко газеты. Извини, Бетти, но...

Берник. Ты говоришь, газеты? Разве ты уже слышал что-нибудь такое?

Хильмар. Да, не без того. Выйдя от вас вчера, я направился, ради своей болезни, в клуб. И как только я вошел, все разом смолкли, значит, разговор шел о двух американцах. Вдруг входит этот нахал редактор Хаммер и во всеуслышание поздравляет меня с возвращением богача кузена.

Берник. Богача?

Хильмар. Да, он так и сказал. Я, конечно, смерил его, как и следовало, взглядом и дал ему понять, что мне ровно ничего не известно о богатстве Йухана Тённесена. А он говорит: «Вот как? Это странно! В Америке обыкновенно везет тому, кому есть с чем начать, а ваш кузен, как известно, поехал туда не с пустыми руками».

Берник. Гм! Сделай ты мне такое одолжение...

Бетти (*с беспокойством*). Вот видишь, Карстен...

Хильмар. Как бы то ни было, я из-за этого субъекта не спал всю ночь. А он разгуливает себе тут по улицам как ни

в чем не бывало. И почему он не погиб там? Просто из рук вон, до чего иные люди живучи!

Бетти. Господи, Хильмар, что ты говоришь!

Хильмар. Ничего особенного. Вот ведь подите же – не сломал себе шеи на железной дороге, не попался в лапы калифорнийскому медведю или черноногим индейцам... даже не скальпирован... Ух, вот они!

Берник (*бросив взгляд на улицу*). И Улаф с ними!

Хильмар. Еще бы! Как им не напомнить людям, что они принадлежат к первой семье в городе. Глядите, глядите, вон все празднующиеся повысыпали из аптеки, глазают на них, перешептываются. Нет, это решительно не под силу моим нервам. Как человеку при таких обстоятельствах высоко держать знамя идеи?..

Берник. Они идут прямо к нам. Послушай, Бетти, я желаю, чтобы ты была с ними возможно любезнее.

Бетти. Так ты позволяешь, Карстен?

Берник. Да, да. И тебя тоже прошу, Хильмар. Надеюсь, они здесь недолго пробудут. И раз мы в своем кружке, прошу – никаких намеков, мы должны всячески остерегаться задеть их.

Бетти. О, как ты великодушен, Карстен!

Берник. Ну-ну, оставим это!

Бетти. Нет, дай мне поблагодарить тебя и прости меня, что я так погорячилась... Ты имел полное право...

Берник. Довольно, довольно, говорю!

Хильмар. Ух!

Йухан Тённесен с Диной и вслед за ними Лона с Улафом входят в сад.

Лона. Здравствуйте, здравствуйте, милейшие!

Йухан. Везде побывали, осматривали старые места, Карстен.

Берник. Да, да, много перемен, не правда ли?

Лона. Во всем сказывается достолавная и полезная деятельность консула Берника. Мы побывали и в парке, который ты подарил городу.

Берник. А, и там?

Лона. «Дар Карстена Берника» – красуется над входом. По всему видно, ты здесь первая персона.

Йухан. И суда у тебя великолепные. Я встретился с капитаном «Пальмы», своим старым товарищем по школе...

Лона. И еще ты выстроил новое здание для школы. Да, как я слышала, тебе же город обязан и газовым освещением и водопроводом?

Берник. Надо же служить обществу, в котором живешь.

Лона. Да, это прекрасно, зять; зато прямо отратно видеть, как люди тебя ценят. Кажется, я не из тщеславных, а не могла удержаться, чтобы не напомнить кое-кому из наших собеседников, что мы родня...

Хильмар. Ух!

Лона. Ты на это ухаешь?

Хильмар. Нет, я сказал: гм!..

Лона. Ну да бог с тобой, бедняга. А вы, кажется, совсем одни сегодня?

Бетти. Да, сегодня мы одни.

Лона. Мы встретили на площади кое-кого из «высоко-нравственных», они, видно, куда-то чертовски спешили. Но нам ведь не удалось еще хорошенько поговорить между собой. Вчера тут были эти три прокладывателя новых дорог да еще этот пастор...

Хильмар. Адьюнкт.

Лона. Я зову его пастором... Ну, что вы скажете о моих трудах за эти пятнадцать лет? Разве не молодчина из него вышел? Кто бы узнал в нем теперь сумасброда, бежавшего с родины?

Хильмар. Гм!

Йухан. Ну, Лона, не слишком уж хвастайся.

Лона. Да ведь тут есть чем! Помилуй! Больше-то я ведь ничего полезного на белом свете не сделала. Ну да и за это одно я имею право чувствовать себя не лишней. Да, Йухан, когда подумаешь, как мы там с тобой начинали с нашими четырьмя пустыми лапами...

Хильмар. Руками!

Лона. Я говорю – лапами; не больно-то они были чисты...

Хильмар. Ух!

Лона. Да и пусты вдобавок.

Хильмар. Пусты? Однако, скажу я!..

Лона. Что скажешь?

Берник. Гм!

Хильмар. Скажу – ух! (*Уходит на террасу.*)

Лона. Что с ним творится?

Берник. Не обращай на него внимания; он в последнее время стал такой нервный. Но не хочешь ли посмотреть наш сад? Ты еще не была там, а у меня теперь как раз свободный часок.

Лона. С удовольствием; поверь, мысленно я часто переносилась сюда, к вам в сад.

Бетти. И там произошли большие перемены – ты сейчас увидишь.

Берник, Бетти и Лона уходят в сад, где и гуляют во время следующих сцен.

Улаф (*в дверях террасы*). Дядя Хильмар! Знаешь, о чем меня спросил дядя Йухан? Не хочу ли я поехать с ним в Америку!

Хильмар. Куда тебе, дурню! Вечно за мамину юбку держишься...

Улаф. А больше не хочу. Увидишь, когда я вырасту большой...

Хильмар. Чепуха! У тебя нет серьезной потребности в чем-нибудь таком закаляющем... Уходят оба в сад.

Йухан (*Дине, которая остановилась в дверях, направо, чтобы снять шляпу и стряхнуть пыль с платья*). Как вы разгорелись от прогулки.

Дина. Да, это была прелестная прогулка. Такой прелест-

ной прогулки у меня еще никогда не было.

Йухан. Разве вам не часто случается гулять по утрам?

Дина. Случается, но только все с Улафом.

Йухан. Так. Но вас теперь, пожалуй, тоже больше тянет в сад, чем остаться здесь.

Дина. Нет, я лучше тут побуду.

Йухан. И я тоже. Значит, уговор – каждое утро будем гулять вместе.

Дина. Нет, господин Тённесен, не нужно этого.

Йухан. Чего? Вы же обещали...

Дина. Да, но подумав хорошенько... Вам не следует гулять со мной...

Йухан. Почему же?

Дина. Вы приезжий, и вам это не понятно, но я скажу вам...

Йухан. Что?

Дина. Нет, я лучше не буду вам говорить.

Йухан. Напротив. Мне вы можете сказать все.

Дина. Ну, я скажу вам: я не такая, как другие молодые девушки. Во мне... со мною... не совсем благополучно. Вот вам и не следует...

Йухан. Ничего не понимаю. Вы же не сделали ничего дурного?

Дина. Не я, а... Нет, не стану больше говорить об этом. Вы и так узнаете от других.

Йухан. Гм!..

Дина. А мне самой хотелось бы спросить вас кое о чем другом.

Йухан. О чем же?

Дина. Говорят, в Америке нетрудно пробить себе дорогу.

Йухан. Ну, не всегда легко. Вначале часто приходится круто и надо много работать.

Дина. Да я бы с радостью!

Йухан. Вы?

Дина. Я могу работать, я крепкая, здоровая, и тетя Марта много со мной занималась.

Йухан. Так за чем же дело стало? Поедем с нами.

Дина. Ну, это вы так, шутите; вы и Улафу предлагали. А вот что мне еще хотелось бы узнать: очень ли там люди... очень ли они нравственны?

Йухан. Нравственны?

Дина. Да, я хочу сказать, такие ли они все... приличные и добродетельные, как здесь?

Йухан. Ну, во всяком случае, они не так уж плохи, как здесь полагают. И вам нечего опасаться.

Дина. Вы меня не так поняли. Мне бы как раз хотелось, чтобы они не были такими уж приличными и высоконравственными!

Йухан. Не были такими? Какими же им быть, по-вашему?

Дина. Мне бы хотелось, чтобы они были естественными.

Йухан. Пожалуй, они как раз такие и есть.

Дина. Тогда хорошо бы мне попасть туда.

Йухан. Разумеется! Вот и поедем с нами!

Дина. Нет, с вами бы я не поехала; мне надо одной. О, там я пробила бы, я бы стала молодцом!

Берник (*в саду около террасы*). Погоди, погоди, Бетти! Я тебе принесу. Долго ли простудиться! (*Входит в залу и ищет шаль жены.*)

Бетти (*из сада*). Пойдем и ты с нами, Йухан. Мы собираемся в грот!

Берник. Нет, пусть Йухан тут побудет. Вот, Дина, захвати эту шаль и ступай с ними... Йухан останется со мной, милая Бетти. Надо же мне послушать о его тамошней жизни.

Бетти (*из сада*). Ну, хорошо, но потом приходите к нам, ты ведь знаешь, где нас искать.

Бетти, Лона и Дина проходят через сад налево.

Берник (*с минуту глядит им вслед, затем притворяет вторые двери налево, подходит к Йухану и крепко жмет ему обе руки*). Теперь мы одни, Йухан! Позволь же мне поблагодарить тебя.

Йухан. Стоит ли.

Берник. Домом, очагом, своим семейным счастьем, положением в обществе всем я обязан тебе.

Йухан. Очень рад, дорогой Карстен, что из этой нелепой истории вышло хоть что-нибудь путное.

Берник (*снова пожимая ему руку*). Спасибо тебе, спасибо! Из десятка тысяч ни один не сделал бы того, что ты тогда для меня сделал.

Йухан. Стоит об этом говорить! Оба мы были молоды и легко смотрели на жизнь. Надо же было кому-нибудь взять вину на себя...

Берник. Но кому же скорее, как не самому виновнику?

Йухан. Стоп! В ту пору это было легче всего сделать невинному. Я был совершенно свободен, сирота; контора надоела мне до смерти, и я был рад-радехонек избавиться от нее. У тебя же была старуха-мать, и вдобавок ты только что потихоньку обручился с Бетти, а она ужасно тебя любила. Что было бы с ней, если бы она узнала?..

Берник. Да, да, да, но...

Йухан. И, наконец, разве не ради Бетти ты решил тогда покончить эту интрижку с мадам Дорф? Как раз, чтобы порвать совсем, ты и пришел к ней в тот вечер.

Берник. Да, в тот злополучный вечер, когда этот пьяница вернулся домой... Да, Йухан, я пошел тогда ради Бетти, но все-таки... И вот ты великодушно обратил на себя все подозрения и уехал...

Йухан. Не надо угрызений, дорогой Карстен. Мы же тогда сообща так порешили. Нужно было спасти тебя, а ты был моим другом. Я ужасно гордился твоей дружбой. Еще бы! Я тянул тут лямку мелкого провинциального обывателя, а ты вернулся из-за границы таким важным, модным кавалером, пожил и в Лондоне и в Париже. И ты удостоил сделать меня своим приятелем, хотя я и был моложе тебя на четыре года. Конечно, ты тогда ухаживал за Бетти, теперь я это понимаю,

но тогда я чертовски гордился твоей дружбой! И кто бы не гордился? Кто не пожертвовал бы собою ради тебя с радостью? Тем более, что грозило это не бог весть чем. Посплетничали бы в городе с месяц, да и позабыли бы. А мне предстояло вырваться на волю, поглядеть на белый свет.

Берник. Гм... Говоря откровенно, дорогой Йухан, тут все еще не совсем позабыли об этой истории.

Йухан. Не позабыли? Ну и пускай. Мне не будет от этого ни тепло, ни холодно, когда я опять засяду у себя на ферме.

Берник. Ты, значит, собираешься опять уехать?

Йухан. Разумеется.

Берник. Надеюсь, однако, не так скоро?

Йухан. Нет, возможно скорее. Я ведь только ради Лоны сюда приехал.

Берник. Ради Лоны? Как так?

Йухан. Да видишь ли, Лона теперь не так уж молода и в последнее время сильно стосковалась по родине. Но ни за что бы в этом не созналась. *(С улыбкой.)* Как же можно было оставить без призора меня, ветрогона, который уже в девятнадцать лет успел так отличиться...

Берник. Ну, и...

Йухан. Да, Карстен, как мне ни совестно, приходится признаться тебе...

Берник. Надеюсь, ты не посвятил ее в эту историю?

Йухан. То-то, что посвятил. Знаю, что нехорошо сделал, да так уж вышло. Ты себе представить не можешь, чем была

для меня Лона. Ты ее всегда терпеть не мог, но для меня она была просто родной матерью. В первые годы, когда нам приходилось крутенько, как она работала! И затем, когда я долго хворал, ничего не мог зарабатывать и не в силах был помещать ей, она пошла петь по кофейням, произносила публичные речи, за которые ее поднимали на смех; даже сочинила какую-то книгу, над которой потом сама и плакала и смеялась, – и все это, чтобы выходить меня! Мог ли я после всего этого равнодушно смотреть, как она, не щадившая себя ради меня, всю эту зиму изнывала от тоски? Я не мог, Карстен! Ну и сказал ей: «Поезжай, Лона, не бойся за меня, я не так легкомыслен, как ты думаешь». И вот тогда она и узнала все.

Берник. Как же она отнеслась?

Йухан. Она справедливо рассудила, что раз я действительно не чувствую за собой вины, то почему бы и мне не махнуть сюда на побывку? Но ты будь спокоен, Лона не проболтается, да и я в другой раз буду держать язык за зубами.

Берник. Да, да, надеюсь.

Йухан. Вот моя рука! И не будем больше говорить об этой старой истории. К счастью, кроме этой глупости, за нами, я думаю, других не числится. Теперь я хочу хорошенько воспользоваться теми немногими днями, которые мне остается еще побыть здесь. Ты себе представить не можешь, какую славную прогулку мы сделали сегодня утром. Кто мог бы подумать, что из той девчонки, которая бегала тут в театре, изображала разных амурчиков... Но что случилось с ее

родителями?

Берник. Да я, мой друг, ничего больше не знаю, кроме того, что писал тебе вскоре после твоего отъезда. Надеюсь, ты получил оба моих письма?

Йухан. Как же, как же, оба. Этот пьяница бросил ее?

Берник. Да, и потом в пьяном виде сам убился до смерти.

Йухан. Она потом тоже недолго прожила? Но ты, конечно, потихоньку делал для нее что мог?

Берник. Она была горда, никому ни словом ни о чем не обмолвилась и не хотела принимать никакой помощи.

Йухан. Но ты, во всяком случае, правильно поступил, что взял к себе Дину.

Берник. Да, разумеется. Впрочем, это, собственно говоря, Марта устроила.

Йухан. Так это Марта? Да, Марта... А где она сегодня?

Берник. Она?.. Если она не занята школой, так у нее, наверное, ее больные.

Йухан. Значит, это Марта позаботилась о девочке?

Берник. Да. У Марты всегда была слабость к педагогике. Оттого она и поступила учительницей в городскую школу. Сделала капитальную глупость.

Йухан. Да, вчера у нее был такой измученный вид. Я тоже боюсь, что у нее недостаточно крепкое здоровье для этого.

Берник. Ну, что касается ее здоровья, то еще было бы нечего опасаться. Но для меня это крайне неприятно. Выходит, как будто я, ее брат, не желаю содержать сестру.

Йухан. Содержать? Я думал, что у нее свое состояние.

Берник. Ни гроша. Ты, верно, помнишь, как туго приходилось тогда матери? После того как ты уехал, она некоторое время еще вела свои дела с моей помощью, но никакой выгоды я от этого, конечно, не имел. Тогда я вступил компаньоном в фирму, но и тут дело не пошло. Я вынужден был поэтому все дело взять на себя, и когда мы произвели расчет, оказалось, что на долю матушки почти ничего не приходится. Матушка вскоре после этого скончалась... Ну и Марта, конечно, также осталась ни при чем.

Йухан. Бедная Марта!

Берник. Бедная? Это почему? Неужели ты думаешь, что я допускаю, чтобы она нуждалась в чем-либо? Нет, смею считать себя хорошим братом. Она, разумеется, живет у нас, ест с нами за одним столом, а жалованья ей совершенно достаточно, чтобы одеться как следует. Она женщина одинокая – чего же ей еще нужно?

Йухан. Гм! У нас в Америке не так рассуждают.

Берник. Еще бы! В Америке, насквозь пропитанной агитацией. Но в наш маленький городок зараза, слава богу, пока еще не проникла, здесь женщины довольствуются приличным, хотя и скромным положением. Марта, впрочем, сама виновата. Она давным-давно могла бы пристроиться, если бы хотела.

Йухан. То есть могла бы выйти замуж?

Берник. И даже сделать прекрасную партию. Ей пред-

ставлялось несколько таких, как это ни странно: девушка без всяких средств, не первой молодости и притом ничем не выдающаяся...

Йухан. Ничем не выдающаяся?

Берник. Ну, я ведь не виню ее в этом. Я вообще и не желал бы видеть ее иной. Ты сам понимаешь, в таком большом доме, как наш, свой человек всегда пригодится.

Йухан. Да, но ей-то каково?..

Берник. Ей? Каково? Что же, у нее есть о ком и о чем заботиться. Тут и я, и Бетти, и Улаф. Ведь нельзя же все только о себе думать – особенно женщинам. Каждый из нас является членом более или менее обширного общества, которое он должен поддерживать и которому должен служить. По крайней мере, я так поступаю.

Управляющий Крап входит справа.

Вот тебе сейчас доказательство. Ты думаешь, я занят теперь личными делами? Отнюдь нет. *(Обращаясь к Крапу.)* Ну?

Крап *(показывая на кипу бумаг, тихо)*. Все купчие готовы.

Берник. Отлично! Превосходно!.. Ну, теперь тебе придется извинить меня, зять. *(Вполголоса и многозначительно.)* Еще раз спасибо, Йухан, и будь уверен, что где и чем только я могу служить тебе... Ну, да ты меня понимаешь!.. Пойдемте, господин Крап.

Берник и Крап уходят в кабинет.

Йухан (смотрит некоторое время ему вслед). Гм!.. (Хочет спуститься в сад, но останавливается, увидев Марту, входящую справа с корзиной в руках). Вот и ты, Марта!

Марта. Ах, это ты, Йухан?

Йухан. И ты уж в поход так рано?

Марта. Да. Ты погоди немножко, сейчас, верно, придут другие. (Хочет уйти налево.)

Йухан. Послушай, Марта, ты всегда так занята и спешишь?

Марта. Я?

Йухан. И вчера ты как будто избегала меня, – мне не удалось сказать с тобой и двух слов, – и сегодня...

Марта. Да, но...

Йухан. А прежде мы были неразлучны... росли вместе, играли...

Марта. Ах, Йухан, с тех пор много воды утекло.

Йухан. Что же, каких-нибудь пятнадцать лет, не больше не меньше. По-твоему, я так сильно изменился?

Марта. Ты? О да, и ты, хотя...

Йухан. Что?

Марта. Нет, так, ничего.

Йухан. Ты, кажется, не особенно была рада моему приезду?

Марта. Я так долго ждала, Йухан... слишком долго.

Йухан. Ждала? Чтобы я приехал?

Марта. Да.

Йухан. Зачем же мне, по-твоему, надо было приезжать?

Марта. Чтобы загладить свою вину.

Йухан. Мне?

Марта. Разве ты забыл, что из-за тебя в позоре и нищете умерла женщина? Забыл, что по твоей вине были отравлены лучшие годы жизни девочки-подростка?

Йухан. И это мне приходится слышать от тебя, Марта! Да неужели твой брат никогда...

Марта. Что?

Йухан. Неужели он никогда... Ну да, я хотел сказать, неужели у него никогда не нашлось ни единого слова в мое оправдание?

Марта. Ах, Йухан, ты же знаешь строгие правила Карстена.

Йухан. Гм... конечно, конечно, я знаю строгие правила своего старого друга Карстена. Но тут... Ну, хорошо. Я только что говорил с ним. Мне кажется, он порядочно изменился!

Марта. Что ты! Карстен всегда был превосходным человеком.

Йухан. Я не про то... Ну да оставим это... Гм... Теперь я понимаю, как ты на меня смотрела. Ты ждала возвращения блудного сына.

Марта. Послушай, Йухан, я скажу, как я на тебя смотрела. (*Указывая рукой в сад.*) Видишь, с кем играет Улаф? Это Дина. Помнишь бессвязное письмо, которое ты написал мне

перед отъездом? Ты просил меня верить в тебя. И я верила, Йухан. Я приписывала все дурное, о чем здесь потом носились слухи, заблуждению, легкомыслию, а не злой воле.

Йухан. Как это понять?

Марта. О, ты, наверно, понимаешь меня. И ни слова больше об этом. Уехать тебе было необходимо, чтобы начать новую жизнь. А я, твоя подруга с детских лет, заменила тебя здесь. Я приняла на себя обязанности, о которых ты забыл или которых не мог выполнить. Я говорю тебе это, чтоб ты хоть в этом не упрекал себя. Для обиженной девочки я стала матерью, воспитала ее, как сумела...

Йухан. И загубила ради этого всю свою жизнь!

Марта. Нет, не загубила. Но ты вернулся поздно, Йухан.

Йухан. Марта... если б я мог тебе открыть... Ну, позволь мне, по крайней мере, поблагодарить тебя за твою верную дружбу.

Марта (*с грустной улыбкой*). Гм... Значит, мы теперь объяснились, Йухан... Тсс... кто-то идет. Прощай, я теперь не могу... (*Уходит налево.*)

Из сада входит Лона и вслед за нею Бетти.

Бетти (*еще из сада*). Ради бога, Лона, как же это можно!

Лона. Отстань, мне надо поговорить с ним.

Бетти. Ведь это же будет страшный скандал!.. А ты еще здесь, Йухан!

Лона. Ну, малый, исчезай! Нечего тебе здесь киснуть в комнате. Ступай в сад, поболтай с Диной.

Йухан. Я и собирался как раз.

Бетти. Но...

Лона. Послушай, Джон, ты хорошо разглядел Дину?

Йухан. Думаю, что разглядел.

Лона. Тебе и следовало глядеть хорошенько, мальчуган.

Это нечто для тебя.

Бетти. Лона!

Йухан. Для меня?

Лона. Ну да, – чтобы поглядеть, хочу я сказать. Ну, ступай.

Йухан. Иду, иду, с удовольствием. *(Уходит в сад.)*

Бетти. Лона, я положительно остолбенела. Не может быть, чтобы ты это серьезно.

Лона. Даю тебе честное слово. Да разве это не свежая, здоровая и правдивая натура? Как раз жена для Джона. Таковую-то ему и нужно там. Это не то, что какая-то, пожилая сводная сестра.

Бетти. Но Дина! Дина Дорф! Подумай же! Лона. Я прежде всего думаю о счастье молодца, и здесь-то мне как раз надо вмешаться; сам он на это не горазд. Никогда не заглядывался ни на девушек, ни на женщин.

Бетти. Он? Йухан? Ну, мне кажется, однако, были печальные доказательства...

Лона. А, к черту эту глупую историю! Где Берник? Мне надо поговорить с ним.

Бетти. Нет, нет, Лона!

Лона. Непременно! Если она нравится ему, а он ей... чем они не пара? Берник – умница, сумеет как-нибудь все уладить.

Бетти. Ты воображаешь, что подобные американские вольности могут быть терпимы у нас...

Лона. Чепуха, Бетти!

Бетти. Что человек с такими строгими правилами морали, как Карстен...

Лона. Уж будто бы с такими строгими?

Бетти. Что такое? Ты осмеливаешься...

Лона. Я осмеливаюсь сказать, что Берник по части этих самых правил вряд ли особенно отличается от других мужчин.

Бетти. Видно, в тебе все еще кипит твоя старая ненависть к нему! Но зачем же ты вернулась сюда, если до сих пор не могла забыть, что... И не понимаю, как у тебя хватило смелости показаться ему на глаза после того позорного оскорбления, которое ты нанесла ему тогда.

Лона. Правда, Бетти, я поступила тогда нехорошо, я забылась.

Бетти. И как великодушно он простил тебя, он, ни в чем не повинный! Не его же вина была, в самом деле, что ты возымела какие-то надежды... Но с тех пор ты и меня ненавидишь. *(Плачет.)* Тебе всегда завидно было смотреть на мое счастье. И теперь ты приехала, чтобы все обрушилось на меня... чтобы показать всему городу, какую родню я при-

несла Карстену в приданое! Да, все теперь на меня обрушится, и ты только этого и добиваешься. Как это низко с твоей стороны! (*Уходит в слезах налево.*)

Лона (*глядя ей вслед*). Бедняжка Бетти!

Берник выходит из кабинета.

Берник (*еще в дверях*). Хорошо, хорошо, господин Крап. Пошлите четыреста крон в столовые для бедных. (*Обернувшись.*) Лона! (*Подходя к ней.*) Ты одна? А Бетти не придет?

Лона. Нет. Позвать ее?

Берник. Нет, нет, нет, не надо! Ты не поверишь, Лона, как я горел нетерпением поговорить с тобой откровенно... вымолить у тебя прощение.

Лона. Послушай, Карстен, не будем сентиментальничать, это нам с тобой не пристало.

Берник. Ты должна выслушать меня, Лона. Я знаю, каким я был в твоих глазах, когда ты узнала об истории с матерью Дины. Но, клянусь тебе, это было лишь мимолетное увлечение, тебя же я любил в свое время искренне и глубоко.

Лона. А зачем, по-твоему, я вернулась сюда?

Берник. Какие бы ни были твои намерения, умоляю тебя, не предпринимай ничего, дай мне сначала оправдаться перед тобой. Это я сумею, Лона... или, во всяком случае, смогу найти извинение...

Лона. Теперь ты трусишь... Ты говоришь, что в свое время любил меня. Да, ты часто уверял меня в этом в своих письмах и, пожалуй, был искренен... до некоторой степе-

ни, пока находился в более широких, свободных условиях жизни, которые и тебе самому давали смелость смотреть на жизнь более широко и свободно. Пожалуй, у меня ты находил больше характера, больше воли и самостоятельности, чем у большинства здешних обывателей. Кроме того, наши отношения сохранялись в полной тайне, о них знали только ты да я, и никто не мог тебя поднять на смех за твой плохой вкус.

Берник. Лона, как можно так думать!

Лона. Но потом, когда ты вернулся, когда услышал о всех насмешках, которые дождем сыпались на меня, узнал, как люди глумились надо мной и моими так называемыми чудачествами...

Берник. Действительно, ты переступала тогда границы.

Лона. Больше на зло всем этим городским ханжам в юбках и в штанах. А когда ты затем встретился с очаровательной актрисой...

Берник. Все это было одно фатовство и больше ничего. Клянусь тебе, во всех тех сплетнях не было и десятой доли правды.

Лона. Пусть так. Но потом вернулась Бетти, юная красавица, покорявшая все сердца, и вдобавок наследница тетки, тогда как про меня стало известно, что я ничего от нее не получу...

Берник. Вот мы и дошли до сути, Лона. Теперь я выскажусь без утайки. Я вовсе не влюбился в Бетти, не новая лю-

бовь заставила меня порвать с тобой. Мне просто нужны были деньги... до зарезу, и я вынужден был закрепить их за собой.

Лона. И ты говоришь мне это прямо в глаза?

Берник. Да. Выслушай меня, Лона...

Лона. А мне ты писал, что охвачен непреодолимой любовью к Бетти, взывал к моему великодушию, умолял меня ради Бетти молчать обо всем, что было между нами!..

Берник. Я был вынужден, говорю тебе.

Лона. Ну, так клянусь богом, я не жалею, что тогда так забылась!

Берник. Дай мне выяснить тебе толком, спокойно тогдашнее мое положение. Матушка, как тебе известно, стояла тогда во главе фирмы сама, но она была совсем не-деловым человеком. Меня поспешно вызвали домой из Парижа; времена были трудные... общий кризис; я должен был поправить дела фирмы. Но что я нашел? Я нашел, – и это приходилось держать в глубочайшей тайне, – я нашел фирму почти накануне краха. Да, наша старая, почтенная фирма, пережившая уже три поколения, была накануне краха. Что же мне, сыну, единственному сыну, оставалось делать, как не искать источника новых средств для спасения фирмы?

Лона. Итак, ты спас фирму «Берник» за счет женщины?..

Берник. Ты хорошо знаешь, что Бетти меня любила.

Лона. А я?

Берник. Поверь, Лона, ты никогда не была бы со мной

счастлива.

Лона. Так ты пожертвовал мной, заботясь о моем счастье?

Берник. Неужели ты думаешь, что мной руководили тогда своекорыстные побуждения! Будь я совершенно одинок, вполне свободен, я бы смело мог махнуть на все рукой и начать дело сызнова. Но ты не знаешь, как неразрывно срастается деловой человек – под бременем громадной ответственности – с тем делом, которое ему достается по наследству. Знаешь ли ты, что от него зависит благополучие сотен, даже тысяч семей? Понимаешь ли ты, что если бы фирма «Берник» обанкротилась, это отозвалось бы самым плачевным образом на целом обществе, близком нам и родном?

Лона. Ты лжешь все эти пятнадцать лет тоже ради общества?

Берник. Лгу?

Лона. Известно ли Бетти, что предшествовало вашему браку и что вызвало его?

Берник. Неужели я без всякой пользы стал бы огорчать ее подобными разоблачениями?

Лона. Ты говоришь: без всякой пользы. Да, да, ты ведь деловой человек, как тебе не знать, где и в чем польза!.. Но слушай, Карстен. Теперь моя очередь высказаться толком и спокойно. Скажи мне, вполне ли ты счастлив теперь?

Берник. То есть в семейной жизни?

Лона. Конечно.

Берник. Вполне, Лона. Ты не даром принесла мне такую жертву. Смею сказать, мое счастье росло с каждым годом. Бетти добра и уступчива. Как она за эти пятнадцать лет научилась принаравливать к особенностям моего характера...

Лона. Гм!..

Берник. Прежде у нее были несколько преувеличенные понятия о любви, она не могла примириться с мыслью, что пылкая любовь мало-помалу должна перейти в тихую дружбу.

Лона. А теперь она примирилась?

Берник. Вполне. Ты понимаешь, что повседневное общение со мной не могло не оказать на нее известного сдерживающего влияния. Людям приходится учиться друг у друга умерять свои личные требования, чтобы тем полнее удовлетворять требования того общества, к которому они принадлежат. Эту истину мало-помалу усвоила себе и Бетти, и теперь наша семья служит образцом для наших сограждан.

Лона. Но этим согражданам ничего не известно о твоей лжи?

Берник. Лжи?

Лона. Да, лжи, которая продолжается вот уже пятнадцать лет.

Берник. Ты это называешь...

Лона. Я это называю ложью, тройной ложью. Ты обманул меня, потом Бетти и наконец Йухана.

Берник. Бетти никогда не требовала, чтобы я высказался.

Лона. Потому что ничего не знала.

Берник. И ты не станешь требовать... ради Бетти не станешь!

Лона. Нет. Я сумею снести насмешки: у меня хребет выносливый.

Берник. Йухан тоже не потребует. Он дал мне слово.

Лона. Но ты сам, Карстен? Разве у тебя самого нет потребности покончить со всем этим обманом?

Берник. Чтобы я добровольно пожертвовал своим семейным счастьем и общественным положением?..

Лона. Да какие же у тебя права на все это?

Берник. В течение пятнадцати лет я ежедневно, шаг за шагом, приобретал эти права своими трудами и своей деятельностью на пользу общества.

Лона. Да, ты много потрудился на пользу и себе и другим. Ты самый богатый и самый влиятельный человек в городе. Всем поневоле приходится склоняться перед тобой, – ты ведь образец всех добродетелей, без пятна, без упрека. Твоя семья – образец для всех семей, твоя деятельность... тоже для всех образец. Но все это великолепное здание и ты с ним стоите на зыбкой почве. Одна минута, одно слово – и ты со всем своим великолепием полетишь кувырком, если не спасешься вовремя.

Берник. Лона, с какой целью ты сюда приехала?

Лона. Я хочу помочь тебе укрепить под собой почву, Кар-

стен.

Берник. Месть! Ты хочешь отомстить! Я это предчувствовал! Но тебе это не удастся! Только один человек мог бы произнести решающее слово, но он будет молчать.

Лона. Йухан?

Берник. Да, Йухан. Если кто другой станет меня обвинять, я от всего отопрусь. Я буду бороться не на жизнь, а на смерть с тем, кто захочет погубить меня. Повторяю, тебе это никогда не удастся. Тот, кто мог бы меня погубить, молчит и... скоро уедет!

Руммель и Вигеланн входят справа.

Руммель. Здравствуй, здравствуй, дружище! Пожалуй-ка к нам в коммерческое собрание. У нас сегодня, знаешь ли, дебаты по поводу железной дороги.

Берник. Никак не могу сейчас.

Вигеланн. Помилуйте, господин консул...

Руммель. Ты должен, Берник. Против нас целая партия. Редактор Хаммер и другие, стоящие за приморскую линию, говорят теперь, что новый проект прикрывает частные интересы.

Берник. Ну так объясните им...

Вигеланн. Наши объяснения ни к чему, господин консул!

Руммель. Нет, нет, тебе надо самому явиться. Тебя-то уж никто не посмеет заподозрить ни в чем таком.

Лона. Полагаю.

Берник. Говорю вам, не могу. Мне нездоровится... Во

всяком случае, дайте мне хоть оправиться...

Адъюнкт Рёрлун входит справа.

Рёрлун. Извините, господин консул, я страшно взволнован...

Берник. Что с вами?

Рёрлун. Я должен предложить вам один вопрос, господин консул. С вашего ли разрешения молодая девушка, нашедшая себе приют в вашем доме, показывается публично в обществе человека, который...

Лона. Какого такого человека, господин пастор?

Рёрлун. Человека, от которого ей следовало бы держаться дальше, чем от кого бы то ни было!

Лона. Ого!

Рёрлун. С вашего ли разрешения, господин консул?

Берник (*отыскивая шляпу и перчатки*). Ничего я не знаю. Извините, я страшно спешу на заседание.

Хильмар Тённесен входит из сада и направляется ко вторым дверям налево.

Хильмар. Бетти! Бетти! Послушай!

Бетти (*показываясь в дверях*). Что такое?

Хильмар. Надо тебе сойти в сад и положить конец волокитству некоего господина за этой Диной Дорф. У меня прямо нервы не выдержали. Послушать только, что он говорит!

Лона. Вот как! Что же говорит некий господин?

Хильмар. Настаивает, чтобы Дина ехала с ним в Америку, не больше не меньше. Ух!

Рёрлун. Возможно ли?

Бетти (*Хильмару*). Что ты говоришь?

Лона. Вот бы отлично было!

Берник (*обращаясь к Хильмару*). Не может быть. Ты ослышался.

Хильмар. Так ты спроси его самого. Вот она, парочка... идет. Только меня не впутывай.

Берник (*обращаясь к Руммелю и Вигеланну*). Я буду вслед за вами, сейчас...

Руммель и Вигеланн уходят направо, Йухан и Дина входят из сада.

Йухан. Ура, Лона! Она едет с нами!

Бетти. Йухан! Какое легкомыслие!

Рёрлун. Может ли быть? Такой колоссальный скандал! Как сумели вы обольстить ее?..

Йухан. Ну-ну, любезный! Что такое вы говорите?

Рёрлун. Отвечайте мне, Дина. Это вы сами?.. Это ваше собственное свободное решение?

Дина. Мне надо уехать отсюда.

Рёрлун. Но с ним?.. С ним?..

Дина. Укажите мне кого-нибудь другого, у кого хватило бы мужества взять меня с собой.

Рёрлун. Ну так знайте же, кто он таков!

Йухан. Замолчите!

Берник. Ни слова больше!

Рёрлун. Плохо тогда служил бы я тому обществу, на стра-

же нравственных устоев которого я поставлен. И непростительно поступил бы по отношению к этой молодой девушке, в воспитании которой принимал немалое участие и которая мне...

Йухан. Остерегитесь!

Рёрлун. Она должна это узнать. Дина, этот человек – причина несчастья и позора вашей матери!

Берник. Господин адъюнкт!

Дина. Он?! *(Обращаясь к Йухану.)* Это правда?

Йухан. Карстен! Отвечай ты!

Берник. Ни слова больше! Теперь не время объясняться!

Дина. Значит, правда?..

Рёрлун. Правда, правда. И этого еще мало! Человек, которому вы так доверяетесь, бежал с родины не с пустыми руками... Касса вдовы Берник... Ее сын может это засвидетельствовать!

Лона. Лжец!

Берник. А!..

Бетти. Боже мой, боже мой!

Йухан *(бросаясь на адъюнкта с поднятой рукой).* И ты осмеливаешься?..

Лона *(заступая ему дорогу).* Не тронь его, Йухан!

Рёрлун. Да, ударьте меня. Но правда должна восторжествовать, а *это* правда. Сам консул Берник это говорил, и всему городу это известно... Теперь, Дина, вы знаете этого человека.

Короткая пауза.

Йухан (*схватив Берника за руку, тихо*). Карстен! Карстен! Что ты сделал?

Бетти (*в слезах, шепотом*). О! Карстен! В какой позор я тебя вовлекла!

Санстад (*быстро входит справа и останавливается, держась за ручку двери*). Поторопитесь же наконец, господин консул. Железная дорога висит на волоске.

Берник (*растерянно*). Что же это такое?.. Что мне делать?..

Лона (*серьезно и значительно*). Идти и быть опорой общества, зять.

Санстад. Да, да, поторопитесь, нам нужен весь ваш нравственный авторитет.

Йухан (*говорит Бернику вполголоса*). Берник, завтра мы с тобой поговорим. (*Уходит через сад.*)

Берник как-то машинально уходит направо за Санстадом.

Действие третье

Там же.

Берник входит слева, сильно взволнованный, с хлыстом в руке, и оставляет дверь полуотворенной.

Берник. Вот! Так-то вернее! Надеюсь, он не забудет этой трепки! *(Обращается к кому-то в соседней комнате.)* Что ты говоришь?... А я тебе говорю, что ты неразумная мать! Ты его балуешь, потакаешь всем его проделкам! Негодяй этакий!.. Не негодяй? А как же ты все это называешь? У меня и так хлопот полон рот, а он удирает ночью из дому, пускается в море на рыбацкой лодчонке, пропадает чуть ли не целый день, пугает меня до смерти. И этот мальчишка еще смеет угрожать, что совсем сбежит из дому. Пусть только попробует!.. Ты? Я думаю, тебе и горя мало, хоть бы он совсем пропал!.. Так?.. Так?.. Но у меня есть дело, которое мне надо завещать кому-нибудь после себя, и мне не расчет умереть бездетным... Без разговоров, Бетти! Как я сказал, так и будет. Он посидит под домашним арестом... *(Прислушиваясь.)* Тсс! Чтобы никто не знал!

Управляющий Крап входит справа.

Крап. Можете вы уделить мне одну минуту, господин консул?

Берник *(бросая хлыст)*. Могу, могу. Вы с верфи?

Крап. Прямо оттуда. Гм...

Берник. Ну? Надеюсь, «Пальма» в порядке?

Крап. «Пальма» может отплыть завтра, но...

Берник. Так вы насчет «Индианки»? Я так и думал, что этот упрямец...

Крап. «Индианка» тоже может отплыть завтра, но боюсь, она недалеко уйдет.

Берник. Что это значит?

Крап. Извините, господин консул, дверь не закрыта, и, кажется, там есть кто-то...

Берник (*затворив дверь*). Ну, что еще за секреты?

Крап. А то, что мастер Эунэ, видно, намерен пустить «Индианку» ко дну со всем грузом и экипажем.

Берник. Помилуй бог! С чего это вы взяли?

Крап. Иначе и объяснить себе нельзя, господин консул.

Берник. Так расскажите же мне все коротко и ясно.

Крап. Извольте. Вы сами знаете, как медленно идет у нас работа на верфи с тех пор, как мы завели новые машины и набрали новых, неопытных рабочих.

Берник. Да, да.

Крап. Но вот я захожу туда утром, смотрю, ремонт американского судна удивительно подвинулся вперед. Большая щель на днище... совсем прогнившее место, вы знаете?..

Берник. Ну, так что же?

Крап. Совершенно заделана, то есть... с виду, – новая обшивка. Говорят, Эунэ сам всю ночь работал с фонарем.

Берник. Ну, ну, дальше?

Крап. Я таки призадумался. Рабочие в ту пору как раз отдыхали, завтракали, и я пробрался незаметно на судно, чтобы посмотреть все хорошенько и снаружи и внутри. Трудненько было проникнуть в самый трюм, судно ведь загружено; зато удалось убедиться. Дело нечисто, господин консул.

Берник. Поверить не могу, господин Крап. Допустить не могу, чтобы Эунэ...

Крап. К сожалению, сущая правда. Дело нечисто, говорю я. Насколько я мог рассмотреть, ни одного бревна нового не вставлено. Щель только законопачена, забита, обшита досками и брезентом и осмолена... Одна видимость. «Индианке» не доплыть до Нью-Йорка. Она пойдет ко дну, как треснувший горшок.

Берник. Но ведь это ужасно! Какая же у него может быть цель?

Крап. Вероятно, хочет доказать негодность машин, хочет отомстить, заставить принять обратно уволенных старых рабочих.

Берник. И готов пожертвовать ради этого жизнью стольких людей!

Крап. Он недавно высказывался, что на «Индианке» нет людей – одни скоты.

Берник. Пусть так, но как он не принимает в соображение, что ведь тут погибнет крупный капитал?

Крап. Эунэ не особенно благоволит к крупному капиталу, господин консул.

Берник. Это правда, он агитатор, смутьян. Но такое бесовестное дело!.. Послушайте, господин Крап, это нужно еще расследовать. Никому ни слова. Наша верфь лишится своей репутации, если пойдут слухи.

Крап. Разумеется, но...

Берник. Постарайтесь еще раз во время обеденного отдыха рабочих побывать в трюме. Я должен быть вполне уверен.

Крап. Будьте спокойны, господин консул. Но позвольте спросить, что же вы затем намерены сделать?

Берник. Разумеется, заявить полиции. Нельзя же нам сделаться соучастниками прямого преступления. На моей совести не должно быть пятна. Кроме того, такое заявление может произвести хорошее впечатление на прессу и на общество. Раз увидят, что я отметаю все личные интересы, чтобы дать ход правосудию...

Крап. Совершенно верно, господин консул.

Берник. Но прежде всего полная уверенность. А пока ни слова.

Крап. Не скажу ни слова, господин консул, а доказательств вы получите. *(Уходит через сад.)*

Берник *(вполголоса)*. Возмутительно. Но нет, это невозможно, немислимо. *(Направляется к дверям в кабинет.)*

Хильмар *(входит справа)*. Здравствуй, Берник! Поздравляю со вчерашней победой в коммерческом собрании.

Берник. Спасибо.

Хильмар. Победа, говорят, была блистательная, победа интеллигентного общественного деятеля над представителями своекорыстных и отсталых взглядов... почти как французская экспедиция против кабиллов... Удивительно, как ты после вчерашних неприятностей мог...

Берник. Оставь это.

Хильмар. Но ведь генеральное сражение еще не дано.

Берняк. Ты насчет железной дороги?

Хильмар. Да; тебе, конечно, известно, что затевает редактор Хаммер?

Берник (*напряженно*). Нет. А что?

Хильмар. Он ухватился за слух, который кто-то пустил по городу, и готовит газетную статью.

Берник. Какой слух?

Хильмар. Конечно, о скупке земель по линии проектированной ветки.

Берник. Что ты говоришь? Разве ходит такой слух?

Хильмар. По всему городу. Я слышал в клубе, куда заходил по пути. Говорят, один из наших адвокатов взял на себя поручение скупить втихомолку все леса, все рудники и все водопады...

Берник. А не говорят... для кого?

Хильмар. В клубе полагают... для какой-то иногородней компании, которая прониюхала о новом проекте и поспешила обделать дельце, пока цены на недвижимости еще не поднялись... Ну не подлость ли? Ух!

Берник. Подлость?

Хильмар. Ну да, что чужие так лезут в наши края! И вдобавок один из наших же адвокатов нанимается к ним для таких услуг! Теперь, значит, все барыши достанутся иногородним дельцам!

Берник. Но ведь это пока еще только слух.

Хильмар. Ему, однако, верят, и завтра или послезавтра редактор Хаммер преподнесет его в виде факта. В клубе все были возмущены. Я слышал от многих, что если этот слух подтвердится, все немедленно потребуют, чтобы их имена были сняты с подписных листов.

Берник. Не может быть!

Хильмар. Как? Да почему, ты думаешь, все эти торгаши так охотно поддержали твой проект? Поди, у них у самих уже текли слюнки в чайнии...

Берник. Говорю тебе, этого не может быть! У нашего маленького общества все-таки настолько-то хватит гражданских чувств!..

Хильмар. Здесь? Ты оптимист и судишь о других по себе. Но я довольно таки опытный наблюдатель... Здесь нет ни души, – разумеется, кроме нас с тобой, ни души, говорю тебе, кто бы держал высоко знамя идеи. (*Остановливаясь в дверях террасы.*) Ух! Вот они опять!

Берник. Кто?

Хильмар. Да эти двое американцев. (*Глядя в окно направо.*) И с кем это они? Ей-богу, с капитаном «Индианки». Ух!

Берник. На что он им понадобился?

Хильмар. Что ж, компания довольно подходящая. Говорят, он там торговал невольниками или занимался морским разбоем; да кто знает, чем и эти-то двое там промышляли?

Берник. Знаешь, крайне несправедливо так судить о них.

Хильмар. Да ты ведь оптимист! Ну так и есть – опять сюда, нам на шею. Лучше убраться вовремя. *(Идет к дверям налево.)*

Лона входит справа.

Лона. Ты что же это от меня бежишь, Хильмар?

Хильмар. Вовсе нет, я спешил поговорить с Бетти. *(Уходит во вторую дверь налево.)*

Берник *(после небольшой паузы)*. Ну, Лона?

Лона. Что?

Берник. Какими глазами ты на меня смотришь сегодня?

Лона. Такими же, как и вчера. Одной ложью больше или меньше...

Берник. Надо объяснить тебе... А куда девался Йухан?

Лона. Сейчас придет; ему нужно поговорить с одним человеком.

Берник. После того что ты вчера слышала, ты понимаешь, что я погиб, если правда обнаружится.

Лона. Понимаю.

Берник. Само собой разумеется, что я неповинен в том преступлении, о котором здесь ходили слухи.

Лона. Разумеется. Но кто же был воров?

Берник. Никто. Никакой кражи не было. Не пропало ни гроша.

Лона. Как!

Берник. Говорю тебе, ни гроша.

Лона. Но слух? Откуда же взялась эта позорная сплетня, будто Йухан...

Берник. Лона, с тобой, мне кажется, я могу быть откровенным, как ни с кем. Я ничего не скрою от тебя. В распространении этого слуха отчасти виноват я.

Лона. Ты? И ты мог поступить так? Очернить человека, который из-за тебя...

Берник. Не осуждай меня, вспомни тогдашнее мое положение. Ведь я вчера объяснил тебе все. Когда я вернулся на родину, я нашел, что матушка запуталась в целом ряде недуманных предприятий. Неудача следовала за неудачей. Как будто все беды хотели разом обрушиться на нас. Фирма была накануне краха. Меня охватило какое-то легкомыслие отчаяния... Право, кажется, только из желания забыться я и вступил в ту связь, из-за которой Йухану пришлось уехать.

Лона. Гм...

Берник. Ты, конечно, можешь себе представить, что ваш отъезд вызвал бесконечные толки. Говорили, что это не первый легкомысленный поступок Йухана, что будто бы Дорф получил от него значительный куш в виде отступного; иные утверждали, будто этот куш получила она. С другой стороны, нельзя было скрыть, что фирма затрудняется платежами.

Весьма естественно, что городские сплетники связали вместе эти два слуха. И так как она осталась жить здесь в большой бедности, то начали утверждать, будто Йухан забрал все деньги с собой в Америку, и молва постепенно все увеличивала сумму.

Лона. А ты, Карстен?

Берник. Я ухватился за этот слух, как утопающий за соломинку.

Лона. И способствовал его распространению?

Берник. Я его не опровергал. Кредиторы стали нас прижимать; мне нужно было их успокоить, чтобы никто не мог усомниться в солидности фирмы. Пришлось ссылаться на временное затруднение, намекать на особое несчастье и просить, чтобы нам только дали срок, – тогда все получают сполна.

Лона. И все получили?

Берник. Да, Лона, этот слух спас нашу фирму и сделал меня тем, чем я стал.

Лона. Значит, ложь сделала тебя тем, чем ты стал теперь.

Берник. Ведь от этого же никому тогда не могло быть ущерба. И Йухан решил никогда не возвращаться больше.

Лона. Ты говоришь – никому не могло быть ущерба? Подумай хорошенько и скажи: не послужило ли это в ущерб тебе самому?

Берник. Возьми кого угодно, – в каждой душе найдешь хоть одно темное пятнышко, которое приходится тщательно

скрывать.

Лона. И вы зовете себя столпами общества!

Берник. У нашего общества нет более надежных.

Лона. Да стоит ли тогда вообще поддерживать такое общество? Что в нем есть? Наружный блеск и ложь внутри, больше ничего. Вот ты первый человек в городе, ты пользуешься всеми благами мира, влиянием, почетом, а ты заклеил невинного!

Берник. Ты думаешь, я недостаточно глубоко сознаю свою вину перед ним? Ты думаешь, я не готов ее загладить?

Лона. Каким образом? Открыть все?

Берник. И ты могла бы этого требовать?

Лона. Чем же иначе можешь ты загладить?

Берник. Я богат, Лона. Пусть Йухан предъявит какие угодно требования.

Лона. Попробуй предложить ему денег – услышишь, что он ответит!

Берник. Ты разве знаешь его намерения?

Лона. Нет. Со вчерашнего дня он все молчит. Он как будто разом превратился в зрелого мужчину, так на него это подействовало.

Берник. Я должен поговорить с ним.

Лона. Да вот и он.

Йухан входит справа.

Берник (*идя к нему навстречу*). Йухан!..

Йухан (*отстраняя его*). Сперва я... Вчера утром я дал

тебе слово молчать.

Берник. Да.

Йухан. Но я тогда еще не знал...

Берник. Йухан, позволь мне в двух словах выяснить тебе суть дела...

Йухан. Не нужно. Я и так все хорошо понимаю. Дела фирмы тогда пошатнулись, я уехал, и ты распорядился моим добрым именем, благо некому было заступиться за него... Ну, я не особенно виню тебя за это. Мы оба тогда были молоды и легко смотрели на жизнь. Но теперь мне нужно, чтобы правда обнаружилась, и ты обязан раскрыть дело.

Берник. А мне теперь как раз нужен весь мой нравственный авторитет, и потому я не могу теперь раскрыть дело.

Йухан. Я не про те небывлицы, которые ты распустил про меня после моего отъезда. Ты должен повиниться в другом. Дина будет моей женой, и я хочу поселиться с ней здесь, в городе.

Лона. Вот что!

Берник. С Диной? Жениться на ней? И жить тут, в городе?

Йухан. Да, именно тут. Я хочу остаться здесь назло всем этим лгунам и клеветникам. Но она не может быть моей, пока ты не снимешь с меня обвинения.

Берник. А подумал ли ты, что, раз я признаюсь в одном, я тем самым признаюсь и в другом? Ты скажешь, я могу доказать по конторским книгам, что никакой кражи не было?

Но я этого не могу, книги в ту пору велись не так аккуратно. Да если б даже и мог, что бы я этим выиграл? Разве я не оказался бы по меньшей мере человеком, который спасся однажды неправдой и потом в продолжение пятнадцати лет давал этой неправде и всему прочему окрепнуть, не делая даже попытки помешать этому? Ты не знаешь нашего общества, иначе ты знал бы, что такое признание может только вконец погубить меня.

Йухан. Я скажу тебе на это лишь одно: что я хочу жениться на дочери мадам Дорф и жить с нею здесь, в городе.

Берник (*отирая пот с лица*). Послушай, Йухан, и ты также, Лона. Я нахожусь в настоящее время в совершенно исключительном положении. Если этот удар обрушится на меня теперь, я погиб, я со мною погибнет и славная, обеспеченная будущность общества, которое все-таки всех нас родило и вскормило...

Йухан. А если я не обрушу этого удара на тебя, я сам сгублю свое счастье и все свое будущее.

Лона. Дальше, Карстен.

Берник. Так слушайте. Все связано с проектом железной дороги, и дело это не так просто, как вы думаете. Вы, верно, слышали, что в прошлом году здесь хлопотали о приморской железнодорожной линии. За нее было много влиятельных голосов и в городе и в округе; особенно отстаивали ее газеты. Но я ее не допустил, так как она нанесла бы ущерб нашему каботажному пароходству.

Лона. И ты сам заинтересован в выгодах паромства?

Берник. Да. Но никто не посмел заподозрить меня в этом смысле. Мое незапятнанное имя оградило меня, как щитом. Впрочем, я-то лично мог бы снести эти убытки, но город не снес бы. Тогда остановились на проекте внутренней линии. Когда это было решено, я втихомолку удостоверился в возможности провести сюда к нам ветку.

Лона. Почему втихомолку, Карстен?

Берник. Вы слышали о скупке лесов, рудников и водопадов?

Йухан. Да; это какая-то иногородняя компания?

Берник. При настоящем положении дел все эти владения, находясь в разных руках, не представляют почти никакой ценности; их поэтому и продавали сравнительно дешево. Но если бы отложить покупку до тех пор, пока пошли бы толки о боковой ветке, владельцы заломили бы неслыханные цены.

Лона. Ну хорошо, что же дальше?

Берник. Теперь мы подходим к тому, что можно истолковать различно и что в нашем обществе может не повредить лишь человеку с высокой, ничем не запятнанной репутацией.

Лона. А именно?..

Берник. Все эти участки скупил я.

Лона. Ты?

Йухан. За свой счет?

Берник. Да. Теперь, если боковая ветка будет проведе-

на, — я миллионер; если нет — я разорен.

Лона. Рискованное предприятие, Карстен.

Берник. Я рискнул всем своим состоянием.

Лона. Я не про состояние. Но если откроется, что...

Берник. В этом вся суть. Опираясь на свое до сих пор незапятнанное имя, я могу вынести это дело на своих плечах, довести его до конца и сказать своим согражданам: вот чем рисковал я для блага общества!

Лона. Общества?

Берник. Да, и никто не усомнится в моих побуждениях.

Лона. Здесь есть, однако, люди, которые действовали более открыто, чем ты, без задних мыслей и побочных соображений.

Берник. Кто?

Лона. Ну, конечно, Руммель, Санстад и Вигеланн.

Берник. Чтобы заручиться их содействием, мне пришлось посвятить их в дело.

Лона. Ну, и...

Берник. Они выговорили себе пятую долю барышей.

Лона. Вот они, столпы общества!

Берник. Да не само ли общество заставляет нас идти кривыми путями? Что вышло бы из этого дела, если бы я стал действовать прямодушно? Все бросились бы приобретать земли и, перебивая друг другу дорогу, действуя вразброд, окончательно испортили бы все. Кроме меня, здесь в городе нет никого, кто бы сумел провести такое крупное де-

ло. Вообще более широким деловым размахом отличаются у нас здесь лишь переселившиеся сюда семьи. Так вот совесть моя ни в чем меня и не упрекает. Лишь в моих руках все эти земли могут стать истинной благодатью для массы людей, которым они дадут кусок хлеба.

Лона. В этом отношении ты, пожалуй, прав, Карстен.

Йухан. Но я-то всей этой массы людей не знаю, а знаю только одно, что все мое счастье поставлено на карту.

Берник. Как и благоденствие твоего родного города! Если откроются дела, которые бросят тень на мое прошлое, все мои противники с ожесточением нападут на меня. Наше общество не прощает даже юношеского легкомыслия. Пойдут рыться в минувшей моей жизни, привяжутся к тысячам мелочей, перетолкуют все под впечатлением вновь открывшихся фактов, и я паду под бременем сплетен и клеветы. От железной дороги мне придется отступить, а если я отступлюсь, дело провалится, и я буду обречен на разорение и гражданскую смерть.

Лона. После всего, что ты сейчас выслушал, тебе остается только молчать и уехать, Йухан.

Берник. Да, да, Йухан.

Йухан. Хорошо, я уеду и буду молчать, но я вернусь опять и тогда заговорю.

Берник. Оставайся там, Йухан, молчи, и я готов поделиться с тобой...

Йухан. Оставь свои деньги при себе! Отдай мне мое доб-

рое имя!

Берник. Жертвуя своим?

Йухан. Устраивайся, как знаешь, со своим обществом; я должен добыть, хочу добыть и добуду себе Дину. Поэтому я завтра же уеду на «Индианке»...

Берник. На «Индианке»?

Йухан. Да. Капитан соглашается взять меня с собой. Поеду, говорю я, продам ферму, устрою все дела и через два месяца вернусь обратно.

Берник. И тогда откроешь?..

Йухан. Пусть тогда виновник сам возьмет на себя свой грех.

Берник. Ты забываешь, что мне в таком случае придется взять на себя и тот грех, в котором я неповинен!

Йухан. А кто пятнадцать лет тому назад воспользовался этим возмутительным слухом?

Берник. Ты доведешь меня до крайности. И если ты заговоришь, я от всего отрекись! Скажу, что это заговор против меня, месть, уловка, чтобы выжать из меня деньги.

Лона. Стыдись, Карстен!

Берник. Говорю, вы доводите меня до крайности. Я буду бороться не на жизнь, а на смерть. Я от всего, всего отрекись.

Йухан. У меня в руках два твоих письма. Я нашел их в своем чемодане между прочими бумагами. Сегодня утром я прочел их, они довольно ясны.

Берник. И ты их покажешь?

Йухан. Если это понадобится.

Берник. И через два месяца ты опять будешь здесь?

Йухан. Надеюсь. Ветер попутный, через три недели я буду в Нью-Йорке... если «Индианка» не погибнет.

Берник (*вздвoгнув*). Погибнет? Зачем ей погибать?

Йухан. И я того же мнения.

Берник (*едва слышно*). Погибнет?..

Йухан. Ну, Берник, теперь я предупредил тебя: постарайся за это время уладить дело. Прощай! Можешь передать Бетти поклон от меня, хотя она и приняла меня не как сестра. С Мартой же я хочу проститься. Пусть она скажет Дине... даст мне слово... (*Уходит налево.*)

Берник (*про себя*). «Индианка»?.. (*Вдруг быстро Лоне.*) Лона! Не допускай этого!

Лона. Ты сам видишь, Карстен, он меня больше не слушается. (*Уходит за Йуханом налево.*)

Берник (*о сильном волнении*). Погибнет?..

Мастер Эунэ входит справа.

Эунэ. Извините, господин консул... Я не помешал?

Берник (*быстро оборачиваясь*). Вам что?

Эунэ. Позвольте мне предложить вам один вопрос.

Берник. Хорошо, только скорее. Какой?

Эунэ. Мне хотелось бы спросить: так-таки меня и уволят бесповоротно... если «Индианка» не отплывет завтра?

Берник. Что еще? Она же готова к отплытию?

Эунэ. Так-то так. Ну, а если все-таки... меня наверняка

увольят?

Берник. К чему эти праздные вопросы?

Эунэ. Мне это очень нужно знать, господин консул. Ответьте мне напрямик: меня тогда уволят?

Берник. Изменяю ли я когда-нибудь своему слову или нет?

Эунэ. Так завтра, значит, у меня отняли бы мое положение в семье и в кругу близких людей?.. Я потерял бы свое влияние на рабочих... потерял бы всякую возможность быть полезным тем, кто занимает незначительное и низкое положение в обществе?

Берник. Насчет этого, Эунэ, мы с вами покончили разговор.

Эунэ. Ну, так пусть «Индианка» отправляется.

Короткая пауза.

Берник. Послушайте, я не могу сам за всем уследить и за все отвечать. Вы можете поручиться мне, что ремонт произведен безупречно?

Эунэ (*уклончиво*). Вы мне дали короткий срок, господин консул.

Берник. Но ремонт все-таки сделан основательный?

Эунэ. Что же, время летнее, погода благоприятная.

Пауза.

Берник. Вы еще имеете что-нибудь сказать мне?

Эунэ. Нет, больше ничего, господин консул.

Берник. Следовательно, «Индианка» отправится в путь.

Эунэ. Завтра?

Берник. Да.

Эунэ. Хорошо. *(Кланяется и уходит направо.)*

Берник стоит с минуту в нерешимости; потом быстро направляется к дверям, как бы намереваясь вернуть Эунэ, но останавливается, держась за ручку двери; в то же время дверь отворяется снаружи, и входит управляющий Крап.

Крап. Ага! Он был у вас? Сознался?

Берник. Вы что-нибудь открыли?

Крап. Да что тут открывать? Вы, наверно, заметили по его глазам, что у него совесть нечиста?

Берник. Пустяки; этого никогда нельзя заметить. Я спрашиваю, вы что-нибудь открыли?

Крап. Не мог попасть, поздно было: судно уже выводили из дока. Но именно эта поспешность ясно доказывает...

Берник. Ничего не доказывает. Осмотр, значит, был?

Крап. Конечно, но...

Берник. Вот видите! И, конечно, никаких упущений не найдено?

Крап. Вы же знаете, господин консул, как производится осмотр, особенно на верфях с такой репутацией, как наша.

Берник. Все равно, мы, значит, не отвечаем.

Крап. Неужели вы, господин консул, не заметили по лицу Эунэ, что...

Берник. Говорю вам, Эунэ меня совершенно успокоил.

Крап. А я вам говорю, что нравственно убежден в том,

что...

Берник. Что все это означает, господин Крап? Я ведь вижу, в вас говорит старая неприязнь к Эунэ. Но если вы хотите свести с ним счеты, то поищите другого случая. Вы знаете, как важно для меня или, вернее, для компании, чтобы «Индианка» могла отплыть завтра.

Крап. Хорошо, хорошо, слушаю. Но услышим ли мы еще когда-нибудь об этом судне...

Вигеланн входит справа.

Вигеланн. Мое почтение, господин консул. Найдется минутка свободная?

Берник. К вашим услугам, господин Вигеланн.

Вигеланн. Я хотел только узнать: вы не переменили намерения отправить завтра «Пальму»?

Берник. Нет, это решено.

Вигеланн. Но сейчас у меня был капитан и сказал, что вывешены штормовые сигналы.

Крап. Барометр сильно падает с утра.

Берник. Да? Предвидится шторм?

Вигеланн. Во всяком случае, свежий ветер, хотя и не противный, наоборот.

Берник. Гм... Что же вы на это скажете?

Вигеланн. Скажу, что сказал и капитану: «Пальма» в руках божьих. И кроме того, пока предстоит переход только через Северное море. А фрахты в настоящее время стоят в Англии довольно высокие, так что...

Берник. Да, если отложить, то это, во всяком случае, будет для нас убыточно.

Вигеланн. Да и судно такое солидное, и вдобавок застраховано в полной сумме. Куда больше риска с «Индианкой»...

Берник. В каком смысле?

Вигеланн. Она ведь тоже уходит завтра?

Берник. Да, судовладельцы сильно торопили и, кроме того...

Вигеланн. Ну, если рискует выйти в море такая старая посуда, да еще с таким экипажем, то нам прямо было бы стыдно.

Берник. Да, да. Все судовые бумаги, вероятно, при вас?

Вигеланн. Тут, тут.

Берник. Хорошо. Так пройдите в кабинет с господином Крапом.

Крап. Пожалуйста. Сейчас все будет готово.

Вигеланн. Благодарю... Остальное же предоставим воле провидения, господин консул.

Вигеланн и Крап уходят в кабинет налево. Из сада выходит Рёрлун.

Рёрлун. А! Как это я застаю вас дома в такой час, господин консул?

Берник (*задумчиво*). Как видите.

Рёрлун. Я зашел, собственно, к вашей супруге. Полагаю, она теперь особенно нуждается в слове утешения.

Берник. Весьма вероятно. Да и *мне* хотелось побеседо-

вать с вами.

Рёрлун. С радостью, господин консул. Да что с вами? Вы такой бледный, расстроенный...

Берник. Да? В самом деле? Да и как же иначе? Столько сейчас у меня дел, хлопот и забот! И мое собственное большое дело, и это железнодорожное предприятие... Послушайте, господин адъютант, я хочу задать вам один вопрос.

Рёрлун. Сделайте одолжение, господин консул.

Берник. Мне пришла в голову одна мысль... Например, затевается какое-нибудь обширное предприятие, которое создаст благоденствие тысяч людей... И требуется принести в жертву одного...

Рёрлун. Как это?

Берник. Положим, человек задумал устроить большую фабрику и знает наверно, по опыту, что рано или поздно при эксплуатации этой фабрики дело не обойдется без человеческих жертв.

Рёрлун. Да, это более чем вероятно.

Берник. Или другой человек заводит рудники. Он берет на работу и отцов семейств, и жизнерадостную молодежь. И ведь наверно можно сказать, что не все они уцелеют во время работ?..

Рёрлун. Увы, по всей вероятности.

Берник. Ну вот. Такой человек, следовательно, наперед знает, что предприятие его со временем потребует человеческих жертв. Но предприятие это имеет целью общественную

пользу. Каждая принесенная жертва, без сомнения, окупится благодеянием сотен людей.

Рёрлун. А, это вы про железную дорогу? Тут тоже предстоит немало опасных работ... выемки, взрывы и все такое...

Берник. Да, да, про железную дорогу... Конечно, с проведением железной дороги тут заведутся фабрики, откроются рудники. Но не думаете ли вы все-таки...

Рёрлун. Любезнейший господин консул, вы уж чересчур совестливы. По-моему, если вы положитесь на волю провидения...

Берник. Да, да, конечно, провидение...

Рёрлун....то вам не в чем будет упрекнуть себя. Стройте себе свою железную дорогу с богом.

Берник. А если взять особый случай. Положим, нужно произвести взрыв в опасном месте; от этого взрыва зависит вся постройка. И, положим, инженер знает, что рабочий, который взорвет мину, поплатится за это жизнью... А взорвать ее все-таки нужно, так что инженер обязан послать рабочего...

Рёрлун. Гм...

Берник. Знаю, что вы хотите сказать! Пусть инженер сам возьмет горящий фитиль и пойдет взорвать мину, – он совершит подвиг! Но так ведь не делается! Следовательно, он пожертвует рабочим.

Рёрлун. Ни один из наших инженеров не сделает этого.

Берник. Но в больших странах ни один инженер не заду-

мался бы над этим.

Рёрлун. В больших странах, пожалуй. Общество в этих странах до того испорчено и бессовестно...

Берник. Ну, оно делает и много хорошего.

Рёрлун. Вас ли я слышу? Вы всегда...

Берник. В больших странах человеку есть где развернуться, поработать на пользу общественную. Там не боятся жертв ради великого дела. А тут тебя опутывают по рукам и по ногам всевозможные предрассудки, разные мелочные соображения...

Рёрлун. Разве жизнь человеческая... мелочное соображение?

Берник. Да, если эта единичная человеческая жизнь мешает благоденствию тысяч.

Рёрлун. Но вы ведь берете совершенно невозможный случай, господин консул! Я вас сегодня решительно не понимаю. И вы еще ссылаетесь на большие страны. Да, там! Во что там ценится человеческая жизнь! Там рискуют живыми людьми, как капиталами. Но у нас, надеюсь, принят иной, более нравственный взгляд на вещи. Посмотрите на почтенное сословие наших судовладельцев. Укажите мне хоть одного, который из презренной корысти пожертвовал бы хоть одной человеческой жизнью. И вспомните затем этих мошенников больших стран, которые не задумываются из корысти пускать в море настоящие плавучие гробы.

Берник. Я не говорю о негодных судах!

Рёрлун. А я говорю о них, господин консул...

Берник. Да к чему же? Это не относится к делу... Ох, эти трусливые мелочные соображения. Доведись-ка одному из наших генералов послать свой отряд в огонь и положить его весь на месте, он бы потом ни одной ночи не уснул спокойно! Не так в других местах. Послушали бы вы его рассказы...

Рёрлун. Его? Кого? Американца?

Берник. Да. Послушали бы вы, как у них в Америке...

Рёрлун. Он тут? Почему вы мне не сказали? Я сейчас...

Берник. Все это напрасно. Вы ничего с ним не поделаете.

Рёрлун. Увидим. Да вот он!

Йухан входит слева.

Йухан (*обращаясь через открытую дверь в соседнюю комнату*). Ну, хорошо, Дина. Пусть так. Но я вас все-таки не упущу. Я опять вернусь, и тогда мы столкнемся.

Рёрлун. Позвольте узнать, на что вы намекаете этими словами? Чего вы хотите?

Йухан. Хочу, чтобы молодая девушка, перед которой вы меня вчера очернили, вышла за меня замуж.

Рёрлун. За вас? Замуж? И вы можете воображать?..

Йухан. Я хочу жениться на ней.

Рёрлун. Ну, так знайте же! (*Подходит к полуотворенной двери.*) Фру Берник, пожалуйста, будьте свидетельницей... И вы также, фрекен Марта. Пусть и Дина придет. (*Увидав Лону.*) А, и вы здесь?

Лона (*показываясь в дверях*). И мне прийти?

Рёрлун. Сделайте одолжение: чем больше, тем лучше.

Берник. Что вы собираетесь сделать?

Слева входят Лона, Марта, Дина и Хильмар.

Бетти. Господин адъюнкт, при всем своем желании, я не могла помешать ему...

Рёрлун. Так я это сделаю, сударыня... Дина, вы поступаете неблагоразумно, но я вас не особенно виню. Вы слишком долго оставались без надлежащей нравственной опоры. Я виню себя, что не предложил вам ее раньше.

Дина. Не надо! Не говорите об этом теперь.

Бетти. Что такое?

Рёрлун. Именно теперь я и должен заговорить, Дина, хотя ваше поведение вчера и сегодня сильно усложнило мою задачу. Но ради вашего спасения я не посмотрю ни на что. Вспомните слово, которое я вам дал, вспомните также, что вы обещали мне, когда я скажу, что настало время... Теперь я не смею больше откладывать и поэтому... *(Обращаясь к Йухану.)* Эта молодая девушка, которую вы преследуете, моя невеста!

Бетти. Что вы говорите?

Берник. Дина!

Йухан. Она? Ваша?..

Марта. Нет, нет, Дина!

Лона. Это ложь!

Йухан. Дина, он говорит правду?

Дина *(после небольшой паузы).* Да.

Рёрлун. Надеюсь, это положит конец всем ухищрениям обольстителя. Пусть все наше общество узнает теперь о шаге, сделанном мною для блага Дины. Я твердо надеюсь, что его не перетолкуют в дурную сторону. А теперь, сударыня, я думаю, лучше нам увести ее отсюда и постараться умиротворить ее смятенную душу.

Бетти. Да, пойдёмте. О Дина, какое это счастье для тебя!

Уходят налево с Диной. Рёрлун следует за ними.

Марта. Прощай, Йухан! (*Уходит.*)

Хильмар (*в дверях террасы*). Гм... скажу я!..

Лона (*проводив Дину взглядом*). Не вешай носа, мальёк! Я останусь тут и буду следить за пастором. (*Уходит направо.*)

Берник. Йухан! Теперь ты не уедешь на «Индианке».

Йухан. Именно теперь-то и уеду!

Берник. Так, значит, не вернешься?

Йухан. Вернусь.

Берник. После всего этого? Зачем же ты вернешься?

Йухан. Чтобы отомстить вам всем, уничтожить, кого только могу! (*Уходит направо.*)

Вигеланн и управляющий Крап выходят из кабинета Берника.

Вигеланн. Теперь все бумаги в порядке, господин консул.

Берник. Хорошо, хорошо...

Крап (*тихо*). Окончательно ли решено, что «Индианка» уходит завтра?

Берник. Окончательно. (*Идет в кабинет.*)

Вигеланн и Крап уходят направо. Хильмар направляется за ними, но в эту минуту Улаф осторожно высовывает голову из дверей налево.

Улаф. Дядя! Дядя Хильмар!

Хильмар. Ух, это ты? Зачем ты сошел вниз? Ты же под арестом!

Улаф (*входя в комнату*). Тсс!.. Дядя Хильмар, знаешь новость?

Хильмар. Да, знаю, тебя сегодня отхлестали!

Улаф (*сердито глядя на кабинет отца*). Больше ему не придется меня бить. Знаешь ты, что дядя Йухан завтра уезжает с американцами?

Хильмар. Тебе-то какое дело? Шел бы скорее к себе наверх...

Улаф. Может быть, и мне, дядя, удастся когда-нибудь поохотиться на буйволов.

Хильмар. Вздор! Такой трусишка, как ты...

Улаф. погоди! Завтра кое-что узнаешь!..

Хильмар. Дурень! (*Уходит через сад.*)

Улаф, увидав Крапа, входящего справа, убегает назад в комнату и запирает за собой дверь. Крап подходит к кабинету Берника и приоткрывает дверь.

Крап. Извините, что опять пришел, господин консул. Надвигается шторм. (*Молчит с минуту, ожидая ответа.*) «Индианка» все-таки пойдет?

После небольшой паузы из кабинета слышится голос Бер-

ника: «Индианка» все-таки пойдет». Крап, затворяя дверь, уходит направо.

Действие четвертое

Там же. Рабочий стол убран. Время под вечер; погода бурная; сумерки все сгущаются. Слуга зажигает люстру. Служанки приносят цветы в горшках, лампы, свечи и размещают все это на столах и тумбах вдоль стен. Руммель, во фраке, в перчатках и в белом галстуке, стоит посредине залы и распоряжается убранством.

Руммель (*слуге*). Зажигайте через одну свечу, Якоб. Не нужно слишком парадного вида. Все должно быть как будто невзначай. И сколько цветов!.. Ну да ничего, пусть стоят. Как будто и всегда так.

Берник выходит из своего кабинета.

Берник (*останавливаясь в дверях*). Что это значит?

Руммель. Ай-ай! Ты дома? (*Прислуге.*) Ну, ступайте пока.

Прислуга уходит налево.

Берник (*входя в залу*). Руммель, да что все это значит?

Руммель. Это значит, что настала самая торжественная минута твоей жизни. Город устраивает сегодня вечером в честь своего первого гражданина шествие.

Берник. Что ты говоришь?

Руммель. Шествие с флагами и с музыкой. Хотели бы-ло прихватить и факелы, да по случаю ветреной погоды не решились. А иллюминацию все-таки устроим. Что, недурно будет, когда появится в газетах?

Берник. Послушай, Руммель, я этого не хочу.

Руммель. Теперь уже поздно, через полчаса они будут здесь.

Берник. Почему ты раньше меня не предупредил?

Руммель. Именно потому, что опасался возражений с твоей стороны. Я только уговорился с твоей женой, она мне позволила немножко убрать залу, а сама позаботится об угощении.

Берник (*прислушиваясь*). Что это? Они уже идут? Мне кажется, будто поют.

Руммель (*в дверях террасы*). Поют? Ах, это американцы. «Индианка» выводится к бочке.

Берник. Выводится к бочке?.. Да... Нет... Право, я сегодня не могу, Руммель. Мне нездоровится.

Руммель. Да, в самом деле, на тебе лица нет. Ну, подтянись, черт побери! Возьми себя в руки. Мы с Санстадом и Вигеланном придаем огромное значение этой манифестации и приложили все старания, чтоб ее подготовить. Нужно разбить наших противников наголову таким выражением полного общественного сочувствия тебе. Слухи все растут. Нельзя больше скрывать скупку земель. Тебе необходимо сегодня же под звуки речей, песен и звон бокалов... словом, под всю эту музыку объявить во всеуслышание, чем ты рискнул для блага общества. У нас можно достигнуть многого в такие минуты «празднично приподнятого настроения», как я недавно выразился. Но прежде всего нужно обеспечить се-

бе такое настроение, не то пиши пропало.

Берник. Да, да, да...

Руммель. Особенно, когда дело столь деликатное и щекотливое. Ну, слава богу, у тебя такая репутация, Берник, что вывезет тебя. Только вот нам еще надо уговориться с тобой насчет речей. Студент Тённесен посвятил тебе стихи. Очень мило начинаются: «Знамя идеи держи высоко!» Рёрлуну поручено произнести приветственное слово, и тебе, конечно, придется отвечать.

Берник. Я не могу сегодня, Руммель. Не возьмешь ли ты на себя?

Руммель. Рад бы, но это невозможно. Слово будет ведь, ты понимаешь, обращено непосредственно к тебе, хотя, пожалуй, упомянут мимоходом и о нас. Я уже говорил об этом с Вигеланном и Санстадом, и нам кажется, тебе следовало бы ответить тостом за процветание общества. Затем Санстад скажет несколько слов об единении между различными общественными слоями общества. Вигеланн, должно быть, выскажет пожелание, чтобы новое предприятие не поколебало твердых нравственных устоев нашего общества, а я думаю вкратце упомянуть о скромной деятельности наших женщин, которая тоже имеет свое значение для общества. Да ты не слушаешь?

Берник. Нет, нет, слушаю. Но скажи мне, море в самом деле так расходилось?

Руммель. А ты беспокоишься насчет «Пальмы»? Что же,

судно хорошо застраховано.

Берник. Да, застраховано, но...

Руммель. И в полной исправности, а ведь это главное.

Берник. Гм... Да, конечно... Если с судном и случится беда, то это не значит, что и люди должны погибнуть. Бывает, корабль погибнет, и груз... ну и там чемоданы, документы...

Руммель. Да черт с ними, с чемоданами и с документами! Очень они нужны!

Берник. Как?... Да, да, конечно, я хотел только сказать... Тсс!.. Опять поют...

Руммель. Это на «Пальме».

Вигеланн входит справа.

Вигеланн. Вот теперь выводят и «Пальму». Добрый вечер, господин консул.

Берник. И вы, опытный моряк, все-таки твердо держитесь того мнения, что...

Вигеланн. Я твердо держусь того мнения, что все в руках божьих, господин консул. Кроме того, я сейчас с корабля... роздал там несколько брошюр, которые, надеюсь, принесут с собой благословение.

Санстад и управляющий Крап входят справа.

Санстад (*еще в дверях*). Да, уж если тут обойдется благополучно, то... А-а, добрый вечер, добрый вечер!

Берник. Что-нибудь случилось, господин Крап?

Крап. Я ничего не говорю, господин консул.

Санстад. Весь экипаж «Индианки» пьянехонек. Не будь

я честный человек, если эти скоты не сгубят себя.

Лона входит справа.

Лона (к Бернику). Ну, теперь могу передать тебе привет от него.

Берник. Уже сел на корабль?

Лона. Во всяком случае, скоро сядет. Мы с ним расстались около отеля.

Берник. Он стоит на своем?

Лона. Как скала.

Руммель (*у окна*). Черт возьми эти новомодные затеи. Никак не могу спустить занавески.

Лона. Спустить? А я думала, напротив...

Руммель. Сперва надо спустить, сударыня. Вы ведь знаете, что предстоит?

Лона. Конечно. Дайте я помогу. (*Берется за шнурки.*) Я готова спустить занавес для моего зятя, хотя предпочитала бы поднять.

Руммель. Можете, можете, сударыня... потом. Когда волны ликующего народа зальют весь сад, пусть занавес поднимется, и люди увидят перед собой приятно пораженную и счастливую семью. Дом гражданина должен быть, как стеклянный шкаф.

Берник как будто хочет что-то сказать, но быстро поворачивается и уходит в кабинет.

Да, теперь, господа, последнее совещание. И вы с нами, господин Крап. Вы сообщите нам некоторые фактические

данные.

Все мужчины уходят в кабинет Берника. Лона между тем успела задернуть все оконные занавеси и собирается задернуть занавесь у открытых стеклянных дверей на террасу, как вдруг с верхнего этажа соскакивает на террасу Улаф с пледом через плечо и узелком в руке.

Лона. Ах, господи, как ты меня испугал, мальчуган.

Улаф (*пряча узелок*). Тсс! Тетя! Лона. Ты из окна выскочил? Куда ты?

Улаф. Тсс! Молчи! Я хочу к дяде Йухану... только на пристань, понимаешь? Проститься с ним... Спокойной ночи, тетя! (*Убегает через сад.*)

Лона. Постой! Улаф! Улаф!

Йухан в дорожном платье, с сумкой через плечо, осторожно входит слева.

Йухан. Лона!

Лона (*быстро оборачиваясь*). Что? Ты вернулся?

Йухан. Остается еще несколько минут. Я хочу еще раз повидаться с нею. Нельзя нам так расстаться.

Марта и Дина входят слева – обе в пальто, а у Дины, кроме того, в руках саквояж.

Дина. За ним! За ним!

Марта. Да, да, за ним, Дина!

Дина. Да он тут!

Йухан. Дина!

Дина. Возьмите меня с собой!

Йухан. Как?

Лона. Ты решилась?

Дина. Да, возьмите меня с собой. Тот, другой, написал мне, сказал, что сегодня объявит всем.

Йухан. Дина, вы его не любите?

Дина. Я никогда не любила этого человека. Я брошусь в фьорд, если стану его невестой. О, как он меня вчера унизил своими высокомерными речами! Как он дал мне почувствовать, что снисходит до такого ничтожного создания!.. Нет! Не надо мне больше снисхождения. Я хочу прочь отсюда! Можно мне с вами?

Йухан. Да, да... тысячу раз да!

Дина. Я недолго буду вас стеснять. Только бы добраться туда... Да если поможете мне немножко устроиться в самом начале.

Йухан. Ура! Не бойтесь! Все уладится, Дина.

Лона (*указывая на дверь кабинета*). Тсс! Тише, тише!

Йухан. Дина! Я понесу вас на руках!

Дина. Нет, этого я вам не позволю. Я хочу сама пробить себе дорогу. И там мне это удастся. Только бы прочь отсюда! Ах, эти дамы!.. Вы не знаете!.. И они написали мне сегодня... увещевали меня ценить выпавшее на мою долю счастье, указывали на то, какое он проявил великодушие. Обещали всегда надо мной бодрствовать, чтобы я оказалась достойной всего этого. Меня ужас берет, как подумаю обо всем этом благонравии!

Йухан. Скажите мне, Дина, вы только из-за этого и хотите ехать? А я для вас ничего не значу?

Дина. Нет, Йухан, вы для меня дороже всех на свете.

Йухан. О Дина!

Дина. Все говорят, что я должна вас ненавидеть и презирать, что это мой долг, но я не понимаю, почему это я должна, и никогда не пойму.

Лона. И не надо, дитя мое!

Марта. И не надо. А надо выйти за него замуж.

Йухан. Да, да!

Лона. Что? Ну, дай мне расцеловать тебя, Марта! Этого я от тебя не ожидала.

Марта. Я думаю; я и сама этого не ожидала. Но когда-нибудь да надо же было совершиться во мне этому перелому. О, как нас калечат все эти предрассудки и обычаи! Восстань против них, Дина! Выходи за него замуж. Пусть совершится хоть что-нибудь наперекор всем этим правилам и обычаям!

Йухан. Что вы скажете, Дина?

Дина. Да, я хочу быть вашей женой.

Йухан. Дина!

Дина. Но сначала я хочу поработать, добиться чего-нибудь, быть чем-нибудь сама по себе, вот как вы. Я не хочу быть какой-то вещью, которую берут.

Лона. Верно, так и должно быть!..

Йухан. Хорошо, буду ждать и надеяться...

Лона. И дожدهшься своего, малый! А теперь пора на ко-

рабль!

Йухан. Да, на корабль! Ах, Лона, дорогая сестра, еще одно слово... *(Отводит ее в глубь сцены и о чем-то оживленно говорит с нею.)*

Марта. Дина, счастливица... дай мне поглядеть на тебя, поцеловать тебя еще раз... последний раз!

Дина. Нет, не последний! Милая, дорогая тетя, мы еще увидимся!

Марта. Никогда! Обещай мне, Дина, никогда не возвращаться сюда! *(Схватывает ее за руки и смотрит на нее.)* Тебя ожидает счастье, дорогая моя... там, за морем. О, как часто в часы школьных занятий тянуло меня туда!.. Как там должно быть хорошо! Там и горизонт шире и небо выше, чем у нас здесь, и дышится свободнее!

Дина. Ах, тетя! Когда-нибудь и ты к нам приедешь.

Марта. Я? Никогда, никогда! Тут у меня есть свое маленькое жизненное призвание. И теперь, надеюсь, мне удастся всецело выполнить то, для чего я создана.

Дина. Я и представить себе не могу, как это мы с тобой расстанемся.

Марта. О Дина, со многим человек может расстаться. *(Целует ее.)* Не дай только бог тебе испытать это, милое дитя! Обещай мне сделать его счастливым.

Дина. Ничего не обещаю; ненавижу обещания. Что будет – то будет.

Марта. Да, так и должно быть. Оставайся только такой,

какова ты есть, правдивой и верной самой себе!

Дина. Да, тетя!

Лона (*кладет в карман какие-то бумаги, которые передал ей Йухан*). Ладно, ладно, дружок! А теперь пора!

Йухан. Да, время не терпит. Прощай, Лона! Благодарю тебя за всю твою любовь! Прощай, Марта, и тебе спасибо за верную дружбу!

Марта. Прощай, Йухан! Прощай, Дина! Дай бог вам полного счастья!

Марта и Лона провожают до террасы Йухана с Диной, которые затем быстро уходят через сад. Лона затворяет за ними дверь и задергивает занавеску.

Лона. Теперь мы обе одиноки, Марта. Ты лишилась ее, а я – его.

Марта. Ты... его?

Лона. Я наполовину лишилась его еще там. Малыш только и бредил, как бы совсем стать на свои ноги. Я и выдумала поэтому, будто страдаю тоской по родине.

Марта. Вот оно что! Понимаю теперь, зачем ты приехала. Но он опять позовет тебя, Лона.

Лона. Старую сводную сестру? На что она ему теперь? Каких связей не порывают мужчины, стремясь к счастью!

Марта. Иногда так бывает.

Лона. Будем держаться вместе, Марта!

Марта. Разве я могу быть чем-нибудь для тебя?

Лона. Да кто же, как не ты? Обе мы с тобой воспитали

приемных детей. И вот – обе осиротели.

Марта. Да, осиротели. Так я скажу тебе еще: я любила его больше всего на свете.

Лона. Марта! (*Схватив ее за руку.*) Неужели?

Марта. Вся жизнь моя в этих словах. Я любила и ждала его. Каждое лето ждала, что он приедет. И вот он приехал и – не заметил меня.

Лона. Ты его любила? И сама устроила его счастье!

Марта. Как же мне было не устроить, если я любила его? Да, я его любила. С тех пор как он уехал, я жила только для него. Ты спросишь: какие основания я имела надеяться? О, я думаю, что имела все-таки. Но когда он вернулся, все старое как будто стерлось из его памяти; он не обратил на меня внимания.

Лона. Дина заслонила тебя, Марта.

Марта. И хорошо, что так. Когда он уезжал, мы были с ним ровесниками; когда же я снова его увидела... – ужасная минута! – мне сразу стало ясно, что теперь я старше его лет на десять. Он там летал вольной птицей в ясном солнечном просторе и впивал в себя молодость и здоровье с каждым глотком воздуха, а я сидела здесь и пряла, пряла...

Лона... Нить его счастья, Марта.

Марта. Да, пряла золотую нить. Говорю без горечи. Не правда ли, Лона, мы были ему добрыми сестрами?

Лона (*крепко обнимая ее*). Марта!

Берник выходит из кабинета.

Берник (*обращаясь к кому-то в кабинете*). Хорошо, сделайте как знаете... Когда придет время, я сам... (*Притворив дверь.*) А, вы здесь? Слушай, Марта, надо тебе немножко приодеться, да и Бетти скажи. Конечно, не надо никакого особенного наряда. Пусть только будет мило и изящно, по домашнему. И надо поторопиться.

Лона. Не забудь еще оживленного и счастливого выражения лица, Марта! И чтобы глаза смотрели весело.

Берник. И Улафа пошли вниз. Надо, чтобы он был около меня.

Лона. Гм... Улафа...

Марта. Хорошо, я скажу Бетти. (*Уходит налево.*)

Лона. Итак, значит, настал час твоего торжества.

Берник (*ходит взволнованный взад и вперед*). Да, настал.

Лона. Воображаю, каким счастливым и гордым должен чувствовать себя человек в такой час.

Берник (*останавливается и смотрит на нее*). Гм!

Лона. Говорят, весь город будет иллюминирован.

Берник. Да, им так вздумалось.

Лона. Все союзы будут налицо со своими знаменами. Имя твое зажжется огненными буквами. А ночью во все концы полетят телеграммы: «Окруженный счастливой семьей, консул Берник, один из столпов общества, принимал от своих сограждан заслуженные им знаки уважения и почета».

Берник. Да, так и будет. Станут кричать «ура», толпа восторженно будет вызывать меня из этих дверей на террасу, и

я буду вынужден выходить, кланяться и благодарить.

Лона. О, вынужден!..

Берник. А по-твоему, я могу чувствовать себя счастливым в эту минуту?

Лона. Нет, не думаю, чтобы ты мог чувствовать себя вполне счастливым.

Берник. Лона, ты презираешь меня?

Лона. Нет еще.

Берник. И ты не вправе, не вправе презирать меня! Лона, тебе не понять, как бесконечно одинок я среди этого общества с его узкими взглядами, исковерканными понятиями! Мне из года в год приходилось понижать свои требования, направленные к достижению достойной цели жизни. С виду я сделал немало, а в действительности – что? Лишь кое-что, пустяки, безделицу. Да здесь другого, лучшего и не потерпят. Попытайся я хоть на шаг опередить господствующие здесь взгляды и стремления общества – власти моей конец. Знаешь ли ты, что такое, в сущности, мы, так называемые столпы общества? Мы – орудия общества и больше ничего.

Лона. Почему ты увидел это лишь теперь?

Берник. Потому что я много думал в последнее время... с тех пор, как ты приехала... и особенно сегодня вечером... О Лона, зачем я не знал тебя вполне... тогда... в былое время?

Лона. Ну а если бы знал?

Берник. Никогда бы я не упустил тебя. А будь ты со мной, я не был бы тем, чем стал.

Лона. А ты не думаешь, чем могла бы стать для тебя та, которую ты избрал вместо меня?

Берник. Во всяком случае, я знаю, что она никогда не была для меня тем, в чем я нуждался.

Лона. Потому что ты никогда не посвящал ее в свои интересы, не установил между нею и собою правдивых, свободных отношений, предоставлял ей мучиться, упрекать себя за тот позор, который ты сам же обрушил на ее родных.

Берник. Да, да, да, это все последствия лжи и обмана.

Лона. Ну так почему же ты не сбросишь с себя всю эту ложь и обман?

Берник. Теперь?.. Теперь поздно, Лона.

Лона. Скажи мне, Карстен, какое удовлетворение можешь ты найти в этом показном благополучии и обмане?

Берник. Я? Никакого. Я осужден погибнуть, как и все это исковерканное общество. Но за нами идет другое поколение; я работаю для сына, przygotowuję ему дело жизни. Придет же время, когда истина скрепит все общественные отношения и на ее основе мой сын построит свою жизнь... более счастливую, чем жизнь его отца.

Лона. А фундаментом все-таки останется ложь? Подумай, какое наследство ты оставляешь своему сыну.

Берник (*подавив взрыв отчаяния*). Я оставляю ему наследство еще в тысячу раз хуже, чем ты полагаешь. Но когда-нибудь проклятие будет снято!.. И все-таки... (*Порывисто.*) Как могли вы обрушить все это на мою голову?.. Но де-

ло сделано. Отступать поздно. Не удастся вам погубить меня.

Хильмар, встревоженный, с распечатанной запиской в руке, быстро входит справа.

Хильмар. Да ведь это же... Бетти, Бетти!

Берник. Что там? Идут уже?

Хильмар. Нет, нет, но мне необходимо поговорить с кем-нибудь... *(Уходит налево.)*

Лона. Карстен, ты говоришь, что мы приехали погубить тебя? Ну так слушай же, какого он закала, этот блудный сын, которого ваше благонравное общество чурается, как зачумленного. Ему больше нет дела до вас, он уехал...

Берник. Но он хотел вернуться.

Лона. Йухан никогда не вернется. Он уехал навсегда, и Дина с ним.

Берник. Не вернется? И Дина с ним?

Лона. Да, она выходит за него замуж. Они дают пощечину всему вашему высоконравственному обществу, как я когда-то... Но довольно!

Берник. Уехал... и она... она отправилась с ним... на «Индианке»?

Лона. Нет, такой драгоценный груз он не посмел доверить этой необузданной шайке. Йухан с Диной отправились на «Пальме».

Берник. А!.. Значит... напрасно... *(Быстро подходит к кабинету, порывисто отворяет дверь и кричит.)* Крап! Остановите «Индианку»! Она не должна выходить в море се-

годня!

Крап (*из кабинета*). «Индианка» уже в море, господин консул.

Берник (*затворяет дверь и говорит упавшим голосом*). Поздно... и напрасно...

Лона. Что ты говоришь?

Берник. Ничего, ничего. Оставь меня...

Лона. Гм... Послушай, Карстен, Йухан просил передать тебе, что он теперь поручил мне заботу о своем добром имени, которым он когда-то пожертвовал ради тебя и которое ты вторично отнял у него в его отсутствие. Йухан будет молчать, но предоставил мне полную свободу действий. Вот оба твои письма у меня в руках.

Берник. У тебя! И теперь... ты хочешь... как раз сегодня... может быть даже, когда торжественное шествие...

Лона. Я приехала сюда не уличать тебя, а встряхнуть тебя нравственно, чтобы ты сам сознался. Этого не удалось. Косней же во лжи. Смотри, я рву твои письма... Бери клочки, вот они. Теперь нет больше улик против тебя, Карстен. Теперь ты в полной безопасности. Будь счастлив... если можешь.

Берник (*глубоко потрясенный*). Лона... зачем ты не сделала этого раньше! Теперь поздно. Вся жизнь моя теперь разбита. Я не человек больше.

Лона. Да что же случилось?

Берник. Не спрашивай... Но жить я все-таки должен... и

я хочу жить... ради Улафа. Он поправит... искупит все...

Лона. Карстен?

Хильмар возвращается бегом.

Хильмар. Никого нет, никого, и даже Бетти!

Берник. Да что с тобой?

Хильмар. Не смею сказать тебе.

Берник. Что такое?! Ты должен сказать!

Хильмар. Ну, хорошо. Улаф бежал на «Индианке».

Берник (*пошатнувшись*). Улаф... на «Индианке»? Нет, нет!

Лона. Должно быть, так. Теперь я понимаю... Я видела, как он выскочил из окна...

Берник (*в дверях кабинета кричит в полном отчаянии*). Крап, остановите «Индианку» во что бы то ни стало!

Крап (*выходя из кабинета*). Невозможно, господин консул. Вы же сами знаете...

Берник. Мы должны ее остановить! Улаф там.

Крап. Что вы говорите!

Руммель (*тоже выходя из кабинета*). Улаф бежал? Не может быть!

Санстад (*выходит*). Его вернут с лоцманом, господин консул.

Хильмар. Нет, нет, он мне пишет (*показывает записку*), что будет сидеть в трюме, пока судно не выйдет в открытое море.

Берник. Я его никогда больше не увижу!

Руммель. Что за чепуха! Хорошее, прочное судно, только что отремонтированное...

Вигеланн (*вышедший за другими*)... На вашей собственной верфи, господин консул!

Берник. Говорю вам, я никогда больше его не увижу! Я лишился его, Лона, и теперь я вяжу... он никогда не был моим. (*Прислушивается.*) Что это такое?

Руммель. Музыка. Шествие приближается.

Берник. Я не могу, я не хочу никого принимать!

Руммель. Что ты! Невозможно!

Санстад. Невозможно, господин консул. Подумайте, что вами поставлено на карту!

Берник. А что мне теперь до всего этого! Для кого мне теперь трудиться?

Руммель. Как ты можешь спрашивать! Для всех нас, для общества.

Вигеланн. Верно.

Санстад. И вы, вероятно, не забыли, господин консул, что и мы...

Марта входит слева. Издали доносятся звуки музыки.

Марта. Идут, а Бетти нет дома. Не понимаю, куда она...

Берник. Нет дома? Вот видишь, Лона, мне не на кого опереться – ни в радости, ни в горе.

Руммель. Убрать занавеси! Пожалуйста, помогите мне, господин Крап... и вы, господин Санстад. Какая досада, что семья именно сейчас вся в разброде! Совсем не по програм-

ме!

Отдергивают занавеси на окнах и на дверях. Вся улица иллюминирована. На противоположном доме красуется большой транспарант с надписью: «Да здравствует Карстен Берник, столп нашего общества!»

Берник (*испуганно отшатывается*). Прочь все это... Видеть не хочу! Потушите! Потушите!

Руммель. Позволь спросить, ты в уме?

Марта. Что с ним, Лона?

Лона. Тсс! (*Тихо говорит ей что-то.*)

Берник. Прочь, говорю! Это издевательство! Разве вы не видите – все эти огненные языки дразнят нас!

Руммель. Признаюсь, однако...

Берник. Да что вы понимаете?... А я, я! Это погребальное шествие!

Крап. Гм...

Руммель. Однако послушай... ты уж слишком принимаешь к сердцу...

Санстад. Мальчуган только прокатится через Атлантический океан – и снова дома.

Вигеланн. Только положитесь на десницу всемогущего, господин консул.

Руммель. И на судно, Берник! Ведь оно же не собирается тонуть.

Крап. Гм...

Руммель. Другое дело, будь это один из тех плавучих гро-

бов, какие посылают крупные иностранные компании...

Берник. Чувствую, что седею...

Бетти, закутанная в шаль, входит из сада.

Бетти. Карстен! Карстен! Ты знаешь?..

Берник. Да, знаю!.. А ты... ты не видела ничего?.. Где у тебя были глаза? Ты – мать!..

Бетти. Выслушай меня!

Берник. Почему ты не следила за ним? Теперь я лишился его. Верни мне его, верни, если можешь!

Бетти. Да, да, верну! Он со мной!

Берник. С тобой?..

Все. А-а!..

Хильмар. Я так и думал!

Марта. Сын твой возвращен тебе, Карстен!

Лона. Сумей же сохранить его себе!

Берник (*жене*). Он с тобой? Правду ли ты говоришь? Где он?

Бетти. Не скажу, пока ты не простишь его.

Берник. А что тут прощать!.. Как же ты узнала?

Бетти. Ты думаешь, мать слепа? Я только до смерти боялась, чтобы ты не узнал. Он вчера намекал... И когда я увидела, что его комната пуста и нет ни сумки, ни платья...

Берник. Ну, ну?..

Бетти. Я побежала, захватила Эунэ, и мы с ним в его лодке... «Индианка» уже снималась с якоря, но мы, слава богу, успели еще вовремя. Обыскали трюм и... нашли его. О

Карстен, не наказывай его!

Берник. Бетти!

Бетти. И Эунэ тоже!

Берник. Эунэ? При чем он? «Индианка» продолжила путь?

Бетти. Нет, в том-то и дело.

Берник. Говори, говори!

Бетти. Эунэ был так же потрясен, как и я; поиски затянулись, стемнело уже, лоцман стал отказываться вести судно, и Эунэ решился... от твоего имени...

Берник. Ну?

Бетти....задержать корабль до завтра.

Крап. Гм...

Берник. Какое невыразимое счастье!

Бетти. Ты не сердишься?

Берник. Какое огромное счастье, Бетти!

Руммель. Ты уж чересчур совестлив!

Хильмар. Да, когда дело доходит до маленькой схватки со стихиями... ух!

Крап (*стоя у окна*). Шествие уже входит в сад, господин консул.

Берник. Теперь пусть идут.

Руммель. Весь сад полон народу.

Санстад. И вся улица битком набита.

Руммель. Весь город на ногах, Берник. В самом деле, момент зажигательный!

Вигеланн. Надо встретить его со смиренной душой, господин Руммель.

Руммель. Все союзы налицо со своими знаменами. Какое шествие! А вот и сам комитет с Рёрлуном во главе.

Берник. Пусть теперь идут, говорю я.

Руммель. Но послушай, ты теперь в таком возбуждении...

Берник. Ну так что же?

Руммель. Я, пожалуй, не прочь сказать за тебя...

Берник. Нет, спасибо. Сегодня я сам буду говорить.

Руммель. Да, но знаешь ли ты, что сказать?

Берник. Будь спокоен, Руммель! Теперь-то я знаю, что сказать!

*Тем временем музыка стихает. Двери, ведущие на террасу, распахиваются. Рёрлун входит во главе комитета, за ним двое наемных слуг несут закрытую корзину. Вся зала наполняется **народом**. В саду и на улице необозримая толпа, над которой вздымаются флаги и знамена.*

Рёрлун. Достоуважаемый господин консул! По удивлению, написанному на вашем лице, я вижу, что мы, словно незваные гости, вторгаемся к вам, в ваш мирный дом, где вас окружает ваша счастливая семья, преданные и деятельные друзья и сограждане. Но нас увлекало искреннейшее желание выразить вам чувства нашего глубокого уважения и почтения. Не впервые приходится вам принимать выражения таких чувств, но еще в первый раз чествование принимает

столь обширные размеры. Мы многократно приносили вам нашу благодарность за те прочные нравственные устои, на которых вы, так сказать, строите наше общество. Сегодня же мы чувствуем вас особенно... как дальновидного, неутомимого, бескорыстного, даже самоотверженного гражданина, по инициативе которого возникает предприятие, обещающее, по мнению всех компетентных лиц, дать могучий толчок дальнейшему преуспеянию, процветанию и благоденствию общества.

Многочисленные Голоса из толпы. Bravo! Bravo!

Рёрлун. Господин консул! В течение многих лет вы служили всему нашему городу светлым примером. Я уже не говорю здесь о вашей образцовой семейной жизни или о ваших безукоризненных нравственных принципах, – это темы для тихой задушевной беседы, а не для торжественной публичной речи. Я говорю о вашей общественной деятельности, которая на виду у всех. Ваши верфи выпускают образцовые суда, которые несут свой флаг во все моря света. Многочисленная и счастливая семья рабочих видит в вас родного отца. Создав новые отрасли промышленности, вы положили основание благоденствию сотен семейств. Одним словом, вы – главный столп нашего общества в самом высоком значении этого слова.

Голоса из толпы. Bravo! Bravo!

Рёрлун. И в наше время особенно отрадно и дорого видеть то чистое бескорыстие, которым отличается вся ваша

деятельность. Теперь вы намерены дать нам, – да, почему бы не сказать этого прямо и просто? – железную дорогу.

Многочисленные Голоса из толпы. Bravo! Bravo!

Рёрлун. Предприятию этому, однако, по-видимому, суждено еще бороться с затруднениями, создаваемыми узкими и своекорыстными соображениями.

Голоса из толпы. Слушайте! Слушайте!

Рёрлун. Сделалось небезызвестным, что некие личности, не принадлежащие к нашему обществу, опередив наших трудолюбивых сограждан, захватили в свои руки некоторые преимущества, которыми по праву должен был бы пользоваться наш город.

Голоса из толпы. Да, да! Слушайте!

Рёрлун. Этот достойный сожаления факт, конечно, дошел и до вашего сведения, господин консул. Но, несмотря на это, вы непоколебимо преследуете вашу цель, памятуя, что истинному гражданину своего отечества не подобает заботиться только о местных интересах.

Голоса из толпы. Гм!.. Нет! Нет!.. Да!.. Да!..

Рёрлун. Итак, мы сегодня чествуем вас как гражданина государства, как такого человека, каким каждый должен был бы быть. Да послужит ваше предприятие к истинному и прочному благу общества. Правда, железная дорога может облегчить доступ к нам дурным элементам, но она же быстро может и избавить нас от них. Да и теперь мы не избавлены от вторжения таких дурных элементов извне. Но в том, что

именно в этот торжественный вечер мы, если верить слухам, счастливо и скорее, чем надеялись, избавились от некоторых из них...

Голоса из толпы. Тсс! Тсс!

Рёрлун....в этом я вижу доброе предзнаменование для предприятия. То же обстоятельство, что я решился затронуть подобный вопрос здесь, ясно доказывает, что мы находимся в доме, где нравственные принципы ставятся выше родственных отношений.

Голоса из толпы. Слушайте! Браво!

Берник (*в то же время*). Позвольте мне...

Рёрлун. Еще два слова, господин консул. Трудясь так долго на пользу города, вы, конечно, были далеки от мысли стяжать этим путем какую-либо осязательную награду для себя лично. Но это маленькое доказательство признательности ваших сограждан вы не вправе отклонить от себя, особенно в такую знаменательную минуту, когда мы, по уверению знающих людей, вступаем в новую эру.

Многочисленные Голоса из толпы. Браво! Слушайте, слушайте!

Рёрлун делает знак слугам, которые подносят корзину; члены комитета вынимают из нее и передают Рёрлуну те предметы, о которых говорится ниже.

Рёрлун. Итак, господин консул, имеем честь поднести вам серебряный кофейный сервиз. Пусть он украшает ваш стол в те часы, когда мы будем иметь удовольствие, как часто

бывало и прежде, собираться в вашем гостеприимном доме. И вас, господа, всегда с такой готовностью помогавших первому человеку в нашем городе во всех его предприятиях, мы также просим принять на память эти безделицы. Вот этот серебряный бокал назначен вам, господин Руммель. Вы не раз при звоне бокалов красноречиво защищали интересы общества. Пусть же почаще представляются вам случаи высоко поднимать и осушать этот бокал за общество! Вам, господин Самстад, позвольте передать этот альбом с карточками сограждан. Ваша известная, всеми признанная гуманность стяжала вам друзей во всех кругах общества. Вам же, господин Вигеланн, позвольте поднести это собрание проповедей на веленовой бумаге в роскошном переплете. Зрелость мысли, вырабатываемая годами, привела вас к глубоко серьезному взгляду на жизнь, и ваша многолетняя деятельность среди мирской суеты была облагорожена мыслью о другой, высшей жизни. *(Обращаясь к толпе.)* Затем, друзья мои, да здравствует консул Берник и его соратники! Да здравствуют столпы нашего общества!

Вся Толпа. Да здравствует консул Берник! Да здравствуют столпы общества! Ура! Ура! Ура!

Лона. Желая счастья, зять!

Пауза. Напряженное ожидание.

Берник *(начинает серьезно и медленно)*. Сограждане! Ваш представитель сказал сейчас, что мы сегодня вступаем в новую эру, надеюсь, так оно и будет. Но для этого нам необ-

ходимо призвать на помощь истину – истину, которая до этого самого вечера почти не находила себе пристанища в нашем обществе.

Удивление среди окружающих.

Поэтому я прежде всего должен отклонить те похвалы, которыми вы, господин адъюнкт, по установленному обычаю, незаслуженно осыпали меня. Я их не заслуживаю, потому что не был бескорыстным деятелем. Если я не всегда гонялся за барышами, это правда, то зато я должен сознаться, что главной пружиной моей деятельности была жажда власти, влияния, почета.

Руммель (*взволнованно*). Это еще что?

Берник. Мне, впрочем, не в чем упрекать себя по отношению к моим согражданам, так как я думаю, что смело могу стать рядом с лучшими из них.

Многочисленные Голоса из толпы. Да, да, да!

Берник. Но я упрекаю себя в том, что часто имел слабость сворачивать с прямого пути, зная и опасаясь известной мне склонности нашего общества искать во всем, что делает человек, дурной, задней мысли. И теперь мне приходится коснуться одного обстоятельства, связанного с этим.

Руммель (*с беспокойством*). Гм!.. Гм!..

Берник. Здесь носятся слухи о массовой скупке земельных участков. Все эти участки скупил я, я один...

Голоса из толпы (*шепотом*). Что он говорит? Консул? Консул Берник?

Берник. Они пока в моих руках. Я, конечно, доверился своим сотоварищам, господам Руммелю, Вигеланну и Санстаду, и мы согласились между собой...

Руммель. Неправда! Докажи, докажи!..

Вигеланн. Мы не входили ни в какие соглашения!

Санстад. Скажите пожалуйста!..

Берник. Совершенно верно, мы еще не согласились насчет того, что я хочу сказать. Но я твердо надеюсь, что эти трое господ согласятся со мной, когда я скажу, что сегодня я пришел к решению распределить все эти участки путем обычной подписки на акции. Каждый, кто желает, может приобрести.

Многочисленные Голоса из толпы. Ура! Да здравствует консул Берник!

Руммель (*тихо Бернику*). Какая низкая измена...

Санстад (*так же*). Значит, надули нас...

Вигеланн. Черт побери! Господи, что я говорю!

Толпа (*в саду*). Ура! Ура! Ура!

Берник. Тише, господа. Я не имею никакого права на такое чествование. Я ведь не сразу так решил. Первоначальным моим намерением было оставить все за собой. Да я и теперь того мнения, что все эти участки могут принести наибольшие выгоды, лишь находясь в одних руках. Но я предоставляю это дело на ваше решение. Если пожелаете, я готов вести его сам по мере сил и умения.

Голоса из толпы. Да, да, желаем!

Берник. Но сперва, сограждане, вы должны узнать меня, каков я есть, до конца. Потом пусть каждый заглянет к себе в душу, и пусть сбудутся слова, что отныне мы вступаем в новую эру. Старое время, с его наружной мишурой, внутренней пустотой, лицемерием, показной моралью и жалкими соображениями, пусть станет для нас музеем, открытым для изучения. В этот же музей сдадим, не так ли, господа? — и кофейный сервиз, и бокал, и альбом, и проповеди на веле-невой бумаге в роскошном переплете.

Руммель. Разумеется.

Вигеланн (*бормочет*). Раз вы все забрали, то...

Санстад. Сделайте одолжение!

Берник. Теперь на очереди главный мой расчет с обществом. Было сказано, что мы сегодня благополучно избавились от некоторых дурных элементов. К этому я могу прибавить то, что еще не всем известно, а именно, что человек, о котором это было сказано, уехал не один. С ним отправилась, чтобы стать его женой...

Лона (*громко*). Дина Дорфф.

Рёрлун. Что?

Бетти. Что ты говоришь?

Сильное волнение.

Рёрлун. Бежала! Бежала... с ним! Не может быть! Берник. Чтобы стать его женой, господин адъютант. Прибавлю еще... (*Тихо жене.*) Бетти, соберись с духом, чтобы перенести! (*Громко.*) Прибавлю: господа, шапки долой перед этим

человеком! Он великодушно взял на себя чужую вину. Сограждане, я сбрасываю с себя гнет лжи, которая могла отравить во мне каждый фибр души. Вы должны узнать все. Виновником того, что произошло пятнадцать лет тому назад, был я!

Бетти (*тихо, взволнованно*). Карстен...

Марта (*так же*). Ах, Йухан!

Лона. Наконец-то ты победил себя!

Безмолвное удивление остальных присутствующих.

Берник. Да, сограждане, я был виноват, а он уехал. Злонамеренные и ложные слухи, разнесшиеся после, причинили зло, которого теперь уже нет возможности исправить: прошлого не вернешь, и я не смею роптать на это. Пятнадцать лет тому назад я пошел в гору благодаря этим слухам; суждено ли мне теперь пасть из-за них – это я предоставлю обдумать каждому.

Рёрлун. Какой страшный удар! Первый человек в городе!.. (*Тихо Бетти.*) О, как я жалею вас, сударыня!

Хильмар. Такое признание! Ну, скажу я вам!..

Берник. Но только не надо решать сегодня. Прошу всех разойтись по домам, успокоиться и вникнуть в дело хорошенько. Когда возбуждение утихнет, тогда и окажется: проиграл я или выиграл своим признанием. Прощайте! Мне еще остается пожалеть о многом, многом, но это касается только моей совести. Доброй ночи! Прочь все украшения и праздничное убранство. Все мы чувствуем, что они здесь не у ме-

ста.

Рёрлун. Действительно. *(Тихо Бетти.)* Бежала! Значит, она была все же совершенно недостойна меня! *(Устроителям торжества.)* Да, господа, после всего этого, полагаю, самое лучшее будет нам удалиться потихоньку.

Хильмар. Ну как после этого человеку высоко держать знамя идеи? Ух!

Общее перешептывание, и зала пустеет. Руммель, Санстад и Вигеланн также уходят в сад, горячо споря между собой вполголоса. Хильмар потихоньку скрывается направо. В зале остаются лишь Берник, его жена, Марта, Лона и управляющий Крап. Общее молчание.

Берник. Бетти, можешь ли ты простить меня?

Бетти *(смотрит на него с улыбкой).* Знаешь, Карстен, ты никогда не пробуждал во мне таких светлых надежд, как сегодня!

Берник. Как?

Бетти. Много лет я думала, что ты когда-то был моим, но потом я потеряла тебя. Теперь же я знаю, что ты никогда не был моим, но уверена, что будешь!

Берник *(обнимая ее).* О Бетти, я уже твой! Благодаря Лоне я стал понимать тебя. Но пусть и Улаф придет сюда.

Бетти. Хорошо, я приведу его. Господин Крап... *(Что-то тихо говорит ему, и он уходит через террасу.)*

Во время следующей сцены все транспаранты и огни в саду и на улице понемногу потухают.

Берник (*тихо*). Благодарю, Лона. Ты спасла для меня и во мне все, что было у меня лучшего.

Лона. А чего же я и добивалась?

Берник. Так или нет?.. Я все еще не вполне понял тебя.

Лона. Гм...

Берник. Значит, ты не из ненависти? Не ради мести?..
Зачем же ты приехала?

Лона. Старая дружба не ржавеет.

Берник. Лона!

Лона. Когда Йухан рассказал мне про ту ложь, я поклялась, что герой моей юности снова восстанет передо мной честным и правдивым!

Берник. Я дурной человек! Чем я заслужил от тебя это?

Лона. Ну, если бы мы, женщины, спрашивали о заслугах, Карстен!..

Эунэ входит в сад с Улафом.

Берник (*бросаясь к нему*). Улаф!..

Улаф. Папа, даю тебе слово, никогда больше...

Берник. Не убегать?

Улаф. Да, да, даю тебе слово, папа!

Берник. И я даю тебе слово, что ты никогда больше не будешь иметь к тому повода. Учись и расти себе не как мой преемник, а просто как будущий человек, который найдет свою задачу в жизни.

Улаф. И ты позволишь мне быть, чем я хочу?

Берник. Позволю.

Улаф. Спасибо. Так я не хочу быть столпом общества.

Берник. Вот как? Почему?

Улаф. Нет, это, должно быть, так скучно!

Берник. Ты должен быть самим собою, Улаф, остальное все придет само... А вы, Эунэ...

Эунэ. Знаю, господин Берник, – я уволен.

Берник. Нет, вы останетесь, Эунэ, и... простите меня!

Эунэ. Как? Ведь «Индианка» не идет сегодня!

Берник. Она и завтра не пойдет. Я дал вам слишком короткий срок. Надо осмотреть судно основательнее.

Эунэ. Слушаю, господин Берник! Пустим в ход новые машины!

Берник. Это хорошо, но главное, чтобы работа была выполнена основательно и добросовестно. Многое у нас нуждается в основательном и добросовестном пересмотре. А теперь доброй ночи, Эунэ!

Эунэ. Спокойной ночи, господин консул. Спасибо, спасибо вам! (*Уходит налево.*)

Бетти. Ну, теперь все ушли.

Берник. И мы одни. Имя мое не горит больше огненными буквами, все огни в окнах погасли...

Лона. А ты бы желал, чтоб их снова зажгли?

Берник. Ни за что на свете! До чего я дошел! Вы ужаснулись бы, если б узнали. Я теперь как будто очнулся после дурмана! Но я чувствую, что могу еще опять выздороветь и помолодеть! О, подойдите ко мне поближе! Ближе! Бетти!

Улаф, мой мальчик! И ты, Марта!.. Я как будто совсем и не видал тебя все эти годы...

Лона. Я думаю! Ваше общество – общество старых холостяков в душе; вы и не замечаете женщин.

Берник. Правда, правда. И именно поэтому. Да, так решено, Лона, ты не уедешь от нас?

Бетти. Да, не уезжай, Лона!

Лона. Нет, куда мне теперь уезжать! Как бросить мне вас... молодую парочку, которая только-то собирается свить себе гнездо. Ведь моя судьба быть приемной матерью. Мы с тобой, Марта, две старые тетки... Куда ты смотришь?

Марта. Как небо прояснилось! Как светло над морем! Счастье сопутствует «Пальме».

Лона. Счастье у ней на борту.

Берник. А нам... нам предстоит длинный трудовой день, особенно мне. Но пусть он придет. Только не оставляйте меня вы, преданные, правдивые женщины! В эти дни я узнал также, что истинные столпы общества – это вы, женщины!

Лона. Ну, твоя мудрость весьма ненадежна, зять! (*Положив руку на его плечо, многозначительно.*) Нет, дух правды и дух свободы – вот столпы общества!